

НАРКОТИКИ: ИДЕОЛОГИЯ, НАРКОПОЛИТИКА И МОРАЛЬ¹

О чем молчат цифры?

Зачастую социология предстает в глазах, как широкой публики², так и большей части различных академических сообществ, исключительно в качестве науке цифр, графиков и процентов: кажется, стоит лишь получить надежные количественные данные по той или иной проблеме, например, проблеме наркотиков и все станет ясно: такой то процент школьников пробовали или употребляют наркотики, такая та часть населения относится к ним как к преступникам, а такая то, как к больным, что тут может быть непонятным? Так, в частности, и среди медиков господствует представление о социологах как о демографах, занимающихся по выражению одного врача, прозвучавшего пару лет назад на конференции по профилактике наркомании, «замерением социальных констант» и сбором количественных показателей наркотизации населения. В то же время, если вдуматься, то становится понятно, что сами цифры не могут сообщить нам ничего или почти ничего, если не поместить их в контекст других цифр, и, что еще более важно, не проинтерпретировать их на основе наших взглядов, ценностей, убеждений, идеологических приверженностей. Например, результаты исследования петербургских социологов Леонида Кесельмана и Марии Мацкевич (2001), проведенного в 2000 году показали, что 18% петербуржцев хотя бы раз в жизни пробовали наркотики. Много это или мало? Для тех, кто исходит из предпосылки, что количество пробовавших или употребляющих наркотики (часто люди не склонны видеть особой разницы между этими категориями) должно равняться нулю или колебаться около него, как было в бывшем СССР, эти цифры внушают ужас. Для тех же, например, кто осведомлен, что в развитых западных странах уровень наркотизации примерно тот же самый уже десятки лет³, а в некоторых странах, например в США, бывал и побольше, (65.5%

¹ Сокращенная версия статьи под названием "Социологические, политологические и идеологические аспекты аддиктологии" опубликована в книге "Руководство по аддиктологии" / Под ред. В.Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. С.63-90.

² Созданию такого имиджа социологии в массовом сознании способствовали в первую очередь исследования электорального поведения, результаты которых тиражируются СМИ наиболее часто; действительно поле политики, является одним из наиболее эксплуатируемых социологами областей исследования, главным образом из-за наличия постоянного спроса на такие услуги со стороны различных политических сил.

³ Так, по данным Европейского центра мониторинга за наркотиками за 2002 год (EMCDDA, 2002) в Финляндии хотя бы раз в жизни пробовали наркотики 10% взрослого населения, в Дании и Англии доля этих лиц достигает 25% и 30% соответственно. В целом в Европе эта цифра колеблется вокруг 20% (Бельгия, Германия, Испания, Ирландия и Нидерланды). Кстати, в Америке, стране, проводящей одну из самых

попробовавших школьников в 1981 году) и никакой “национальной катастрофы” или “разрушения генофонда” там не происходит, эти цифры не выглядят столь пугающими (Johnston et al. 1998). Таким образом, общественная реакция на употребление наркотиков во многом обусловлена не абсолютными цифрами, показывающими уровень наркотизации населения, а отношением или противоречием между *представлениями о существующем и должном*, между тем каковой представляется ситуация и тем, какой она быть должна. Представления о “нормальном” уровне распространенности наркотиков зависят от картины мира. От того, что немцы называют *Weltanschauung*, мировоззрения.

Была ли в таком случае оправдана моральная паника вокруг наркотиков возникшая в 1998-2001 годах, рисовавшая апокалиптические прогнозы тотальной наркотизации молодежи и превращения России в наркотическое гетто, описанная автором ранее (Мейлахс 2003; Meylakhs 2006)? Существующие данные говорят об обратном. В мою задачу не входит подробная задача по описанию наркотизации населения России (ее более или менее успешно выполняют мои коллеги), хочу лишь привести данные прозвучавшие недавно на Круглом столе по проблемам наркомании, прошедшем в Государственной Думе 18 мая 2004 года. Из них явствует что, что первичная заболеваемость наркоманией в России еще в 2001 году снизилась на 14 процентов по сравнению с уровнем 2000 года. Снижение заболеваемости продолжалось в 2002 году - на 58 процентов по сравнению с 2001 годом, а в 2003 году заболеваемость упала еще на 15,9 процента. Общий показатель наркотизации подростков в 2003 году по сравнению с предыдущим годом снизился на 43,3 процента. Итак, по мнению большого числа наблюдателей, ситуация с наркотиками в России стабилизировалась. Почему же среди немалого числа специалистов, занимающихся проблемой наркотиков, по-прежнему сильны алармистские настроения, почему по-прежнему проблему наркомании пытаются представить как национальную катастрофу, угрожающую самому существованию Российского государства? Как мы видим, объективные цифры, описывающую российскую наркотическую ситуацию не могут помочь нам ответить на этот вопрос.

Другая проблема с цифрами, полученными во время социологических опросов, заключается в их валидности, особенно когда это касается изучения столь сенситивных вопросов, как употребление наркотиков, обладающей высокой латентностью. Из-за стигматизированности потребления наркотиков в обществе респонденты скрывают свои наркотические предпочтения и не дают искренних ответов; что же касается официальной статистики, то тут дело обстоит еще более печально – медицинская статистика говорит нам лишь о зарегистрированных случаях обращения в медицинские учреждения, а милицейская – о количестве преступлений, связанных с наркотиками и числе задержанных в связи с этим граждан. А о том сколько людей, потребляют наркотики, но не

жестких в западных странах политику в отношении наркотиков, цифры более тревожные – в 2000 году марихуану там пробовали около 34% взрослых, а кокаин, гораздо более тяжелый наркотик – 11%.

попадают в поле зрения медицинских и правоохранительных органов остается лишь гадать... Не говоря, уже и о таком важном факторе, особенно в России, как недобросовестность чиновников, отвечающих за сбор статистики (особенно это справедливо в отношении правоохранительных органов). Такое положение дел привело к тому, что в социологическом сообществе активно дебатруется вопрос о том, насколько вообще обосновано применение количественных методов⁴ (и уж тем более официальной статистики) в социологии вообще и в социологии девиантного поведения в частности. Известно высказывание: есть ложь, есть большая ложь, а есть статистика. В академическом сообществе социологов на Западе (а в последнее время и у нас) все чаще изучаются вопросы не о том, как собрать «хорошую» статистику, а том, как она используется, какими группами, и в каких целях.

Однако, несмотря на все многообразие методологических трудностей, связанных с получением количественных данных в социологии и официальной статистике, я бы не стал впадать в тотальный негативизм относительно их применимости и адекватности к проблеме наркомании. Только надежные количественные социологические данные могут нам помочь, например, в отслеживании тенденций роста или падения наркотизации населения, без чего оценка любых социальных программ по противостоянию наркотизму становится затруднительной, если не невозможной, необходима она и для решения ряда других задач. В то же время, получение надежных и достоверных статистических данных по наркотизму представляет собой крайне трудную задачу, не только в России, но и в мире вообще. В качестве положительного примера из мировой практики можно привести американскую программу Monitoring The Future Study, в рамках которой данные собираются на основе единой методологии в течение уже многих лет, что позволяет американским исследователям иметь достаточно адекватную картину наркотизации подрастающего поколения в Америке. У нас в России замечательное количественное исследование наркотизма на основе репрезентативной выборки методом уличного опроса было выполнено уже упоминавшимися выше Кесельманом и Мацкевич, однако, проведено оно было в 2000 году, а спустя пять лет, другого, адекватного по качеству исследования распространения наркотизма в России, так и не было организовано. В то же время, необходимость в таких исследованиях (ежегодном мониторинге) назрела чрезвычайно остро – иначе в России так и будет продолжаться жонглирование цифрами полученными неизвестно кем и неизвестно как.

Тем не менее, как я уже сказал, основная проблема заключается не в сборе адекватных данных по наркотикам, а в их интерпретации и разработке на их основе антинаркотической политики. Даже если бы Господь Бог пожелал разрешить академические споры, существующие в научном сообществе относительно показателей наркотизации и даровал ему абсолютно точные и

⁴ См., например, дискуссию о методологии социальных наук в журнале «Неприкосновенный запас» в № 3(35), 2004

достоверные данные по всем вопросам связанным с наркотиками какие только можно себе представить, расплести тот клубок этических и идеологических противоречий, существующий вокруг проблемы наркотизма (как, впрочем, и вокруг подавляющего большинства других социальных проблем), и предложить однозначные и безупречные с этической точки зрения пути ее решения оказалось бы по силам только Ему. В отсутствии же такого арбитра нам остается лишь анализировать эти противоречия и пытаться сделать свой этический выбор на основе своих ценностей, норм, явных и неявных предположений о действительности и желаемых результатах. Работа социолога заключается как раз в том (хочу поправиться и сказать: в том числе и в том), чтобы отразить различного рода дилеммы, возникающие при попытке предложить решение проблемы наркотизма, сделать их более четкими и ясными, так чтобы те, кто участвует в принятии такого рода решений (как чиновники, так и специалисты в этой области), а также широкая публика, которым такая политика адресована, смогли прийти к более осозанным и взвешанным выводам.

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых из этих дилемм. Прежде всего, необходимо понять, какие цели должна преследовать правовая политика в отношении наркотиков? Ответ вроде бы ясен – снижения вреда, как обществу, так и индивиду от наркотизма вообще и от наркомании в частности. Но разное законодательство в отношении наркотиков порождает отрицательные последствия разного рода. Как взвесить этот вред, и как оценить, какой из них более губителен для общества? Ведь последствия той или иной антинаркотической политики всегда идут в пакетах, вроде так называемых “нагрузок” в продуктовых заказах советских времен: хочешь получить дефицитную сгущенку, купи в придачу несколько банок кильки. Так же и в правовой политике – снижая один параметр, мы увеличиваем другой, и никакая эмпирия, никакие исследования не докажут превосходство первого над вторым, все будет определяться ценностным выбором законодателей, какую бы завуалированную форму он ни приобретал.

Что, если изменение в правовой политике (например, смягчение существующего законодательства) приведет к меньшему числу смертей от наркотиков, но к большему их распространению в обществе? К меньшему количеству преступлений, связанных с наркотиками, но к росту числа наркозависимых? Это изменение также может помочь одной социальной категории, но повредить другой. Например, увеличение государственного ассигнования на развитие антинаркотических профилактических программ неминуемо повлечет за собой сокращение в том или ином виде программ реабилитации для наркозависимых. Если же этого сокращения не будет, это будет означать, что пострадают другие категории “проблемных” граждан. Хотим ли мы уменьшения распространения наркотиков в любой их форме или только снижения числа людей, зависимых от тяжелых наркотиков? Или нашей целью должно стать снижение доходов наркомафии и уменьшение размеров нелегального наркорынка? А некоторые

могут сказать, как это часто происходит сегодня в западных странах, что одной из приоритетных целей антинаркотической политики должно являться снижение распространенности ВИЧ и других вирусных инфекций, ибо эти заболевания заражают (в прямом смысле слова), все остальное население, в том числе и тех, кто не имеет ни малейшего отношения к наркотикам. И какова цена, которую общество согласно заплатить за уменьшение того или иного негативного последствия наркомании?

Очевидно, что на эти вопросы не могут быть даны ответы, основывающиеся исключительно на эмпирических данных. Нельзя эмпирически доказать, что снижение числа наркозависимых “лучше”, чем увеличение количества ВИЧ-инфицированных. Или того, что жизни наркозависимых стоят меньше, чем жизни обычных граждан. Все эти понятия – несоизмеримы. За выбором той или иной антинаркотической политики неизбежно стоит моральный и идеологический выбор, каким бы знаменами рациональности и эмпиризма, то есть другой идеологией, он не был прикрыт. Во всяком случае, ясно одно: осознание дилемм, сопутствующих выбору правовой политики в отношении наркотизма, и понимание диалектической связи между различными явлениями, его сопровождающими, помогут, если не сделать этот выбор, то, по крайней мере, обрести большую ответственность при принятии того или иного решения. Что уже не так уж мало, учитывая всю серьезность нынешней ситуации.

Идеологические дебаты вокруг наркотизма на Западе⁵

В западных странах в отличие от России, где проблема широкой распространенности употребления наркотиков возникла относительно недавно, достаточно высокие показатели наркотизации населения фиксируются уже десятки лет. Столько же существуют и споры вокруг того, какую политику должно проводить государство в отношении немедицинского употребления наркотиков, и что должно делать общество, для того чтобы минимизировать отрицательные последствия наркотизма. Вообще, когда речь заходит о правовой политике в отношении наркотиков, дебатырующие стороны, по существу, пытаются решить разные проблемы: одна сторона, назовем их для простоты “консерваторами”, стремится посредством законодательства снизить или, как минимум, приостановить рост потребления любых наркотиков в немедицинских целях *вообще*, то есть наркотизма, в то время как другая – “либералы”, видит в законодательстве принципиально другую цель – снижение числа людей, имеющих зависимость от наркотиков и негативных последствий с ней связанных. Странники предельно жесткой линии в отношении употребления наркотиков (на Западе, к ним, прежде всего, относятся партии правой ориентации и

⁵ Эта глава во многом основана на книге американского социолога Эриха Гуда (1997) «Между политикой и здравым смыслом: дебаты о легализации наркотиков»

религиозные фундаменталисты) считают, что наркотизм плох сам по себе, поскольку он разрушает сам моральный порядок, на котором покоится общество. Употребление наркотиков, прежде всего, “аморально”, безотносительно от тех или иных конкретных последствий для личности и общества, и потому плохо по определению. Отсюда их нулевая толерантность к употреблению в немедицинских целях каких бы то ни было наркотиков в любой форме. При этом наказание, которое получает человек за употребление или продажу наркотиков, далеко не всегда соответствует степени вреда, наносимого себе (употребление этих наркотиков) или другому (их продажа). Выдающийся американский социолог Эрих Гуд (1972) иллюстрирует этот тезис правовой ситуацией, сложившейся в штате Род-Айленд. Там, продажа марихуаны несовершеннолетним каралась (на момент проведения исследования), от 30 лет тюрьмы (минимальный срок) до пожизненного заключения (максимальное наказание). Это более суровая кара, чем наказание за изнасилование, убийство второй степени (непреднамеренное убийство) и вооруженное ограбление. Теперь, говорит Гуд, если мы хотим утверждать, что продажа 20 летнему студенту колледжа (в Америке во многих штатах возрастом наступления совершеннолетия считается 21 год), пары сигарет с марихуаной наносит этому студенту ущерб больший, чем непреднамеренное убийство, у нас есть все основания утверждать, что наказание за совершенное преступление вполне соответствует нанесенному вреду. Такое умозаключение исследователь отбрасывает как противоречащее элементарному здравому смыслу. Сторонники либеральной политики, как правило, не считают употребление наркотиков греховным самим по себе и делают акцент на отрицательных последствиях наркотизации, которые, по их мнению, далеко не всегда ее сопровождают, и которые зависят от вида принимаемых наркотиков и паттерна их употребления. Из этого логически вытекают призывы либеральных реформаторов, законодательно разграничить различные виды психоактивных веществ, юридически институционализировать существующее в массовом сознании деление наркотиков на легкие и тяжелые.

Перейдем к краткому рассмотрению некоторых моделей правоохранительной политики в отношении наркотиков, принятых или предлагаемых различными экспертами в этой области, и их связи с идеологией. Самой популярной моделью является политика *тотального прогибиционизма*, то есть полного запрета на употребление в немедицинских целях любых наркотиков. Эта политика в той или иной форме преобладает сегодня в большинстве стран, включая Россию и США. В Западной Европе, наиболее четко такая политика реализована в Швеции. В либеральных кругах бытует мнение, что в “войне с наркотиками”, как они именуют комплекс мер репрессивного характера, направленный на борьбу, как с наркоторговцами, так и потребителями, победить нельзя. (Carter 1989; Hyse 1994; Priver 1993). Это не так. Войну с наркотиками выиграть можно, как, например, это произошло в Китае, после прихода к власти коммунистов в 1949-м году. Новое правительство тогда столкнулось с миллионами людей, зависящих от опиума. Очевидно, что такое

громадное количество людей, живущих в наркотической реальности, представляло огромную проблему перед режимом, стремившимся установить тотальный контроль над всеми областями жизни каждого из своих подданных (тоталитарным режимом). По мнению большинства наблюдателей, в течение десяти лет с повальной наркоманией было покончено. Основными орудиями, использовавшимися в этой борьбе, были публичные казни подозреваемых в наркоторговле, и массовая “ресоциализация” потребителей наркотиков в трудовых лагерях (являвшихся, по сути, концентрационными) (Goode 1997). Здесь мы возвращаемся к поднятому ранее вопросу о “цене победы”. Согласно ли наше общество заплатить такую цену за ликвидацию наркотизма и наркозависимости? Не будет ли эта победа пирровой? Ясно, что ответ на этот вопрос лежит вне области прикладных эмпирических исследований, и целиком зависит от идеологии.

Нет нужды подробно останавливаться на аргументах прогибиционистской политики, она и так всем известна, прежде всего, потому, что ее сторонники более всех других представлены на страницах научных журналов и популярной печати. Главной своей задачей, ее приверженцы видят борьбу с наркотизмом вообще, о чем уже говорилось выше. При этом их аргументы можно разделить на два типа, которые неискушенные наблюдатели часто не отделяют один от другого. Первый тип аргументов, основывается на логике *абсолютного уменьшения*, или на убеждении в том, что наркотизм можно победить, то есть радикально снизить или искоренить вообще, стоит только применить необходимый комплекс репрессивных мер в отношении торговцев наркотиками и их клиентов. Те же, кто придерживается логики *относительного сдерживания*, считают, что наркотизм победить в принципе нельзя, более того, при определенных обстоятельствах невозможно даже заметно снизить число наркопотребителей, однако в случае либерализации существующего законодательства, число актуальных потребителей наркотиков превысит все мыслимые пределы. В основе прогибиционистской антинаркотической политики лежит коллективистская идеология (даже если в странах, где она проводится, преобладает индивидуализм в других жизненных сферах), ставящая интересы коллектива (так как их понимают адепты такой политики) выше прав личности.

Переходя к более либеральным моделям правового регулирования наркотизма, необходимо сразу отметить одно обстоятельство. Не существует единого подхода, который в широких общественных кругах и не только, получил название “легализация наркотиков”. Сторонники различных вариантов либерализации политики в отношении наркотиков разнятся между собой столь сильно, что по справедливому выражению Этана Наделмана, одного из апологетов политики снижения вреда (Harm Reduction), о которой речь пойдет ниже, умеренные “легализаторы” и “прогрессивные” прогибиционисты имеют гораздо больше общего между собой, чем первые с радикальными и экстремистски настроенными любителями немедленно легализовывать все и вся, а последние с “ястребами-прогибиционистами”, видящими в репрессивных мерах главное, а

иногда и единственное оружие в противостоянии наркотизму (Nadelmann 1992). Поэтому, понятие “легализация наркотиков”, вне конкретных деталей и способа реализации этой политики, является лишенным смысла мифическим продуктом массового сознания. Когда речь заходит о конкретных способах легализации наркотиков, прежде всего, необходимо поставить следующие вопросы: какие наркотики могут быть легализованы? При каких условиях и как эти наркотики могут распространяться? В каких количествах? Только ли в специально лицензированных клиниках или где угодно? Только ли наркозависимым или всем желающим? По какой цене? Без ответа на эти и другие вопросы термин “легализация” теряет всякий смысл (Inciardi and McBride 1991).

Если попытаться охарактеризовать основное отличие либеральных программ в отношении наркотиков от программ, в основе которых лежит установка на репрессивные меры, то оно сводится к следующему: в то время как сторонники запретительных мер складывают всю вину за отрицательные последствия наркотизма исключительно на сам *наркотизм*⁶, то те, кто придерживается либеральных взглядов, возлагают немалую долю ответственности за сложившуюся, крайне неблагоприятную ситуацию с наркотиками, на *законы, регулирующие наркотизм*. При этом степень возлагаемой ответственности также колеблется в зависимости от идеологических взглядов, которых придерживаются сторонники предлагаемых реформ.

Антиподом политики тотального прогибиционизма является модель *полной декриминализации* любых наркотиков, вне зависимости от реальной степени вреда, наносимого ими индивиду и обществу. Такая политика является в настоящее время гипотетической и вряд ли имеет шансы быть принятой на вооружение в любом из современных обществ в ближайшем будущем. Ее сторонники, самыми известным из которых являются Томас Заз (Thomas Szasz) и знаменитый экономист Милтон Фридман, верят в то, что свободный рынок должен быть единственным механизмом, регулирующим оборот наркотиков в обществе. Любые наркотики могут продаваться где угодно, кому угодно и в неограниченных количествах, наподобие томатного сока (несовершеннолетние, по некоторым версиям этого подхода, являются единственным исключением) (Szasz 1992). Если же люди убедятся, в том, что наркотики – это яд, то тогда, говорят сторонники свободного и неограниченного рынка, продавцы наркотиков попросту потеряют своих клиентов. Возвращаясь к проблеме ценностного выбора при принятии решения в пользу той или иной модели правового регулирования наркотизма, можно сказать, что адепты этой

⁶ Так, например, в России широко распространены взгляды, что число ВИЧ-инфицированных в среде наркозависимых растет только лишь из-за увеличения количества потребителей наркотиков. Я называю такой процесс *автоматической проблематизацией*, поскольку величина и опасность проблем-сателлитов (в данном случае ВИЧ) автоматически (само собой разумеющимся образом) ставится в прямую зависимость от размера основной проблемы (наркомании). То, что инфицирование является следствием совместного использования потребителями наркотиков инъекционного оборудования, и что можно замедлить распространение ВИЧ-инфекции с помощью внедрения программ по обмену шприцев несоизмеримо реже дебатруется на различных аренах общественного дискурса, чем меры по «тотальной» войне с наркотиками (Мейлахс 2004).

политики осуществляют этот выбор в пользу полной и ни чем не ограниченной свободы индивида. Ради нее они готовы пойти на самые решительные шаги, какими бы опасными и непредсказуемыми последствиями они не грозили. При этом, вдохновленные идеологией экономического либерализма 18-ого века (*laissez faire*), сторонники этой модели возлагают всю вину за сегодняшнюю ситуацию с наркотиками на государство, которое своими драконовскими законами, толкает свободных, имеющих право на выбор образа жизни граждан, на путь преступления (Friedman and Szasz 1992).

Более мягким вариантом либеральной политики в отношении наркотиков является политика их *частичной декриминализации*⁷, которую иногда неправильно называют легализацией легких наркотиков. Эта политика реализуется в девяти штатах США, где хранение небольших количеств марихуаны не карается по закону. Фактически реализуется она и в Израиле, где на нарушителя налагается небольшой денежный штраф без открытия уголовного дела, а также в некоторых европейских странах и Австралии. В наиболее полной мере она реализуется во всем известной Голландии, где полностью декриминализована марихуана и псилоцибиновые грибы. Там же *de facto* декриминализовано и хранение небольших количеств тяжелых наркотиков, таких как героин и кокаин, когда полиция при задержании просто отбирает их (а иногда и нет) у попавшегося потребителя. В то же время продажа даже небольшого количества таких наркотиков преследуется по закону. То же касается и хранения количества тяжелых наркотиков, превышающее законодательно определенный максимум. Такая политика пытается разделить отрицательные последствия, связанные с наркотизмом, между самим наркотизмом и законами его регулирующими. Идеологию, лежащую в основе данного подхода, можно определить как умеренный индивидуализм.

Модель поддержки и рецептурная модель заключаются в том, чтобы поддерживать людей, уже попавших в зависимость от наркотиков, на их более мягких субститутах, а по некоторым версиям этой модели, на тех же самых наркотиках. Наиболее распространенный вариант этой модели известен как метадоновая поддержка (*methadone maintenance*). Она принята во многих штатах США, большинстве стран Европы, Австралии и Океании и в Израиле. По некоторым оценкам сделанным в 1992 году 115 тысяч американцев ежедневно принимало метадон (Nadelmann 1992). Метадоновая поддержка *не* ставит своей главной целью избавление участника метадоновой

⁷ В России частичная декриминализация наркотиков произошла в 2004 году, когда было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2004 года № 231 «Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации», согласно которому хранение до десяти разовых доз наркотиков подлежит не уголовному, а административному наказанию. Однако, уже начиная с этого же года, началось лоббирование за отмену этого постановления со стороны различных сил, прежде всего чиновников из Госнаркоконтроля и Минздрава. Первым шагом этого явилось принятие закона в первом чтении Государственной Думы РФ, в котором предлагалось пересмотреть постановление Правительства РФ о разовых дозах.

программы от наркотической зависимости, она лишь пытается упорядочить его аддиктивный поиск, то есть снабжать его дешевым наркотиком и, тем самым, лишить необходимости искать средства на наркотики преступным путем. Кроме того, по жестким версиям этого подхода, поступив в метадоновую программу, ее участник лишен возможности принимать другие наркотики, и, таким образом, исключен из общего нелегального наркорынка. В противном случае, при повторном нарушении режима метадоновой поддержки, участник исключается из программы. В метадоновых клиниках, как правило, оказывается психологическая и социальная помощь, действуют программы по трудоустройству наркозависимых. Общие результаты таких программ не до конца ясны; тем не менее, фактом является то, что многим людям они помогают обрести хоть какую-то почву под ногами. Однако очевидно, что метадоновые программы не способны в заметной степени решить проблемы наркозависимых, хотя бы в силу того факта, что подавляющее их большинство не хочет в них участвовать; приходится констатировать, что для основной массы наркозависимых характерно желание “кайфовать”, а не просто избегать “ломки”. В некоторых странах, например, в Голландии, Швейцарии, а также в Англии (Ливерпуль), проходят эксперименты по героиновой поддержке, то есть, выдаче наркозависимым того самого вещества, от которого они зависят, но результаты этих экспериментов пока не ясны.

Существуют, (пока что в теории), проекты того, чтобы выписывать людям зависимым от наркотиков рецепты на них, но пока что, такие проекты не имеют сколько-нибудь заметных шансов быть принятыми.

Из сказанного ясно, что главной целью программ поддержки в тех или иных формах, а также рецептурной модели, является не снижение наркотизма или наркомании, а уменьшение преступности вокруг наркотиков и снижение некоторых других негативных последствий их употребления (например, количества ВИЧ-инфицированных).

Последним вариантом политики в отношении наркотиков, на котором я хотел бы остановиться, является модель снижения вреда (Harm Reduction). Она реализуется в той или иной степени в Голландии, Швейцарии, некоторых частях Англии, Австралии и ряде других стран. По сути, эта политика является эклектичной и дифференциальной, она предполагает принятие на вооружение всего лучшего (или вернее того, что ее апологеты считают лучшим), что существует в других подходах к наркотикам, и также включает в себя дифференцированное отношение к различным психоактивным веществам. Согласно этой модели, разные наркотики требуют разного к себе отношения, и морального и юридического – необходимо законодательно разграничить легкие и тяжелые наркотики. Кроме того, считают сторонники этой политики, нужно полностью снять уголовную ответственность с потребителей наркотиков, а также провести четкую юридическую черту между мелкими дилерами и дилерами крупного ранга, а именно, *уменьшить* наказание за розничную торговлю наркотиками, и *увеличить* его за торговлю крупными партиями.

Враг не наркотики, убеждены сторонники подхода снижения вреда, врагами являются отрицательные последствия наркотиков. Все, что может помочь хоть как-то уменьшить эти последствия, необходимо принять на вооружение. Иными словами, все средства хороши, если они хоть в чем-нибудь продвигают нас к цели, считают адепты этого подхода. Если же последствия той или иной политики вредят больше, чем приносят пользы, ее немедленно необходимо отбросить, для этого не должно быть никаких идеологических или моральных преград.

Модель снижения вреда предполагает реализацию следующих мер: бесплатная раздача или обмен шприцов (сторонники этой модели считают СПИД гораздо более серьезной опасностью, чем наркоманию); организация программ метадоновой поддержки; открытие “комнат безопасных инъекций” с медицинским персоналом, с тем, чтобы не допустить скопления наркозависимых в общественных местах и предотвратить передозировки от наркотиков; развертывание передвижных лабораторий на молодежных дискотеках, где можно проверить качество и силу таблеток МДМА (“экстази”); декриминализация (но не легализация) хранения и розничной продажи легких наркотиков; декриминализация хранения (но не продажи) малых количеств тяжелых наркотиков, и другие меры (Nadelmann 1992).

Стоит подчеркнуть, что вышеперечисленные подходы к регулированию немедицинского употребления наркотиков не являются взаимоисключающими – так в США, где антинаркотическая политика одна из самых жестких среди западных стран, достаточно активно внедряются программы снижения вреда (хоть и в недостаточных, по мнению сторонников этой политики, объемах), существуют там и метадоновые программы (опять-таки, в масштабах, не удовлетворяющих тех, кто ратует за большее их внедрение); даже в Швеции, на которую так любят равняться сторонники жесткого подхода к наркотикам у нас, есть высокопороговые, то есть труднодоступные метадоновые программы. С другой стороны, в либеральной Голландии, две трети бюджета, предназначенного для противостояния наркотизму, идет силовым ведомствам на борьбу с наркотиками и на расследования преступлений против собственности, совершенных наркозависимыми (de Kort and Cramer 1999). Кроме того, в западных странах, в особенности в США, немалая роль в определении государственной антинаркотической политики отводится рыночным механизмам – к примеру, если в России дебаты вокруг метадоновых программ в основном сводятся к вопросу о том, нужно ли их разрешать или нет, то в Америке одним из главных спорных моментов в полемике о таких программах является вопрос их государственного финансирования. Это же справедливо и в отношении других мер снижения вреда. Так, в той же Америке, несмотря на то, что программы по обмену шприцев абсолютно легальны, запрещено их финансирование из федерального бюджета. Там же постоянно происходят дебаты о том, должна ли наркомания входить в перечень болезней, покрываемых основным страховым полисом.

Несмотря на то, что сторонники политики снижения вреда именуют ее самой прагматичной из всех возможных политик и свободной от идеологии, из нее также не следует ответ на тот вопрос, который был поставлен в начале этой работы, а именно: как соизмерять негативные последствия различного рода? Что если некоторые меры такой политики приведут к снижению количества смертей от передозировок, но к увеличению количества наркозависимых (что, как утверждают ее противники, может быть результатом их принятия)? К меньшей преступности, но росту наркотизма? Такая политика, как и всякая другая, не способна найти ответы на эти вопросы исключительно эмпирическим путем. Поэтому, утверждение многих ее сторонников, что эта модель свободна от идеологии является мифом; она не менее пронизана идеологией, чем самый жесткий прогибиционизм.

В то же время, хочу снова оговориться и подчеркнуть, что эмпирические исследования наркотизма необходимы, для того чтобы оценить различные риски, связанные с принятием решений, касающихся антинаркотической политики. Несмотря на то, что они не позволят нам свести вопросы, связанные с немедицинским употреблением наркотиков на уровень исключительно технической проблемы, и базовые решения в антинаркотической политике будут основываться на ценностном и идеологическом выборе общества (или представляющих его законодателей), эмпирические исследования в состоянии прояснить многое, в том числе и развеять множество мифов, окутывающих проблему наркотиков. Так, например, утверждение о том, что программы по обмену шприцев несут в себе «неправильный мессидж», легитимизируют потребление наркотиков и способствуют вовлечению в наркоманию новых потребителей, выдвигаемое прогибиционистами и у нас и на Западе, никоим образом не подтверждается эмпирически. Там, где такие программы были введены, никакого всплеска наркомании не последовало. Крайне сомнительным выглядит и тезис о том, что легкие наркотики непременно ведут к переходу на тяжелые; блестящий эмпирический анализ, опровергающий это широко распространенное заблуждение был осуществлен выше упомянутым Эрихом Гудом (1972)⁸. В среде наших наркологов оно встречается особенно часто. В доказательство приводится факт, что практически все потребители тяжелых наркотиков начинали с легких. Это действительно так, но ведь речь идет лишь о тех потребителях легких наркотиков, которые перешли на тяжелые и, вследствие развившейся наркомании, попали в поле зрения медицинских органов. Те же, кто употреблял легкие наркотики, но не перешел на тяжелые, к наркологам не обращаются, ввиду отсутствия такой надобности. Поэтому нашим медикам о них ничего ни известно. Для того, чтобы действительно доказать тезис о «конвейерной ленте» перехода с марихуаны на героин, нужно рассмотреть всех потребителей первой и сравнить сколько из всех тех, кто пробовал или

⁸ С русским переводом этой статьи можно ознакомиться по адресу: <http://www.cures.by.ru/war/goode.htm> или <http://legalize57.narod.ru/cannabis/marih.html>

употреблял марихуану переходят на тяжелые наркотики, а сколько – нет. Но этого-то как раз и не делается! Иными словами, говоря социологическим языком, выводы наших наркологов основаны на скошенной и предвзятой выборке. Это все равно, что прийти в железнодорожный травмпункт, где лежат те, кто пострадал от происшествий на железной дороге и рассуждать о том, как опасно переходить рельсы, обосновывая это тем, что все, кто в нем находится, попали туда именно таким образом. Но сколько еще людей пересекли рельсы, с которыми ничего не произошло? Конечно, это не довод в пользу безопасности легких наркотиков, это лишь иллюстрация той ущербной логики, которая зачастую распространена в среде российских наркологов. Кстати, легализация легких наркотиков не обязательно приводит к большому их употреблению – мало, кто знает (или хочет знать), что в Голландии в 70-х годах до легализации легких наркотиков их употребляли больше, чем в 80-х, когда эти наркотики стали продаваться легально (van de Wijngaart 1990). И, тем не менее, я не припоминаю, чтобы кто-то даже из самых либеральных исследователей наркомании объяснял этот факт эффектом легализации. Просто 70-е подошли к концу, и эпоха хиппи с ее культом марихуаны завершилась. В 80-е годы пришли совершенно другие ценности – стало модно быть «богатым и здоровым», а наркотики, в том числе и легкие, никак в такие ценности не укладывались. Именно наступлением эры «яппи», с ее фетишизацией денег и материального успеха, а также возвращением к консервативным «семейным ценностям», большинство наблюдателей связывают резкое снижение потребления наркотиков в Америке в тот период. И уж совсем абсурдным (и, на мой взгляд, противоречащим канонам медицинской этики), выглядит утверждение некоторых наших наркологов (например, Надеждина), что более эффективное лечение наркомании, будет способствовать вовлечению новых потребителей – раз, мол, вылечиться от наркомании можно и сделать это нетрудно, то все подряд начнут употреблять наркотики. Точно так же и на Западе консерваторы аргументируют, что нужно сокращать помощь наркозависимым, ибо это дает им возможность вести более или менее сносное существование и тем, самым показывает, что участь наркозависимого не так уж ужасна. Не думаю, что это так. Вряд ли люди согласны владеть жалкое существование наркомана (хоть и под присмотром врачей и социальных служб) и лишь физическая смерть от наркотиков или страх уголовного преследования способны их отпугнуть. Никто, не стремится, например, стать бомжом, хоть, мне кажется, некоторым из наших наркологов, его жизнь могла бы показаться райской – собирай себе бутылки и потребляй в неограниченных дозах легальный наркотик – алкоголь.

Но, опять же, для выяснения такого рода вопросов, как раз и требуется проведение масштабных эмпирических исследований.

Пессимизм вызывает скорее другое обстоятельство. А именно, насколько такие исследования являются востребованными? Учитываются ли они законодателями и как они используются? Не происходит ли манипулирования результатами научных исследований для «рационального»

обоснования своей идеологизированной точки зрения, когда совершается их селективный отбор, так что все данные, эмпирически подтверждающие ее, принимаются безоговорочно, а те, что находятся в противоречии, отбрасываются без рассмотрения? К сожалению, как правило, именно так и обстоит дело. Так, например, чиновники Госнарконтроля предпочитают приводить данные исключительно за последние десять лет, свидетельствующие о драматическом росте наркомании в России. Спрашивается, а почему не за три, например? А если б за три, получилось бы примерно следующее: «Россия подошла к порогу национальной катастрофы. Заболеваемость наркоманией у подростков снизилась на 43%. Героин выходит из моды у молодежи. Необходимы срочные и решительные меры для спасения молодежи России». Согласитесь, выглядит не очень убедительно. Для чего тогда нужна вся эта чрезвычайщина, которой окружена деятельность этой организации, вроде обысков в молодежных клубах и арестов ветеринаров, если и так показатели молодежной наркомании падают? Где тут место для наполеоновских побед? Отсюда и такое избирательное отношение к статистике. Вполне вероятно, что через пару-тройку лет, когда придет время для отчета о своей деятельности, Госнарконтроль начнет приводить цифры уже за последние четыре, пять лет. И, цифры эти на этот раз будут весьма обнадеживающими⁹.

Но нельзя сказать и того, что такое манипулирование социологическими данными – специфический для России феномен, обусловленный беспринципностью наших чиновников. Так американский социолог Мекэник (1975:99) писал, что «хотя и возможно найти такие примеры, когда люди, облеченные официальной ответственностью, оправдывали ту или иную политику с помощью отсылки к данным исследований, существует крайне мало доказательств того, что начало этой политики было положено на основе этих данных». А социолог Лоренс Росс (1987:173) приходит к еще более горькому и пессимистическому выводу, когда он рассматривает влияние своих исследований о вождении в состоянии алкогольного опьянения и методах борьбы с ним, которым он посвятил десятки лет своей жизни. Трудно удержаться, чтобы не привести эту цитату. «Возможно, самый главный урок, который я извлек, заключался в том, что роль исследований состоит не в том, чтобы служить руководством для политиков при принятии решений и взвешивания возможных альтернатив. Скорее, результаты исследования служат простой рационализацией для позиции, которую политик уже занял на основе предыдущих убеждений, не имеющих к науке никакого отношения».

⁹ Вообще, риторика катастрофы – одна из важнейших стратегий по привлечению внимания к той или иной социальной проблеме – в мире, где конкуренция между социальными проблемами на различных аренах общественного дискурса и действия – чрезвычайно высока (терроризм, СПИД, демографический кризис и т.д.), а общественное внимание и ресурсы – ограничены, требуются особо эмоциональные меры воздействия на общественное мнение; одной из таких мер, как раз и является катастрофическая риторика, рисующая неминуемый апокалипсис, если запрос на долю общественного внимания и ресурсов окажется неслышанным или безответным.

Итак, еще раз можно повторить, что именно идеология и политика, определяют основные пути решения проблемы наркотиков, а эмпирические данные, как правило, служат лишь инструментом их оправдания и придания легитимности.

Дискурс о наркотиках в России в сравнении с западным: сходства и различия

Если рассмотреть современную ситуацию с наркотиками в России, нельзя не заметить весьма значительного сходства ее с западной, что проявляется, и в уровне наркотизации населения, и в плоскости идеологического противостояния между либералами и консерваторами. Параллелизм аргументов, выдвигаемых различными сторонами идеологических дебатов о наркотиках, делает понятным нежелание известного французского философа Мишеля Фуко (еще тогда, когда существовал Советский Союз!) делить современную дискурсивную формацию (структуру знания, задающую общие представления о мире) на "западную" и "советскую". Действительно, несмотря на многочисленные идеологические различия между развитыми западными странами и Советским Союзом в подходах к экономике, правам человека и т.п., доминирующие представления о норме и патологии, здоровье и болезни, легитимном и нелегитимном удовольствии и множестве других оппозиций, характеризующих дискурсивную формацию, были достаточно близкими. Именно в едином дискурсивном основании западных стран и России, на мой взгляд, надлежит искать причины схожести логики, лежащей в основе аргументации, как консерваторов, так и либералов, выдвигаемой ими в пользу тех или иных мер антинаркотической политики.

С одной стороны это связано с тем, что и Россия и Запад в течение долгого времени развивались в русле единой иудеохристианской цивилизации с близкими представлениями о праведности, грехе, искушении плотскими соблазнами и т.п., а с другой – с тем, что, последние триста лет в Европе происходили процессы модернизации, в ходе которой научные представления о норме и патологии, здоровье и болезни, к моменту возникновения проблемы наркотиков уже прочно укоренились как в России, так и на Западе.

Так, если читаешь проповеди фундаменталистских американских проповедников о наркотиках и рассуждения о наркомании представителей ультраконсервативного крыла Русской Православной Церкви, нельзя не поразиться схожести метафор и образов, в них присутствующих. Возьмем, к примеру, высказывание американского евангелиста, Дэйла Роббинса. "Замыслы Сатаны лежат в основе разрушительной природы наркотиков. Они – его инструменты, которыми он достигает своих нечистых целей, одурманивая людей наркотиками. Понимание связей наркотиков с Сатаной должно убедить христиан, что употребление наркотиков – несовместимо с

христианским стилем жизни" (Robbins 1990). Теперь, рассмотрим цитату из статьи Митрополита Бишкекского и Среднеазиатского Владимира, размещенного на сайте Наркотики.Ру 18 ноября 2005 года¹⁰. "Верующий человек с помощью воздержания, молитвы и Таинств Церкви бдительно охраняет свой внутренний мир от заражения нечистыми страстями, от проникновения злых духов. Тот, кто решил «попробовать» наркотик, поступает прямо противоположным образом: посредством дурманящего зелья, словно отмычкой, он отпирает и распахивает настежь свою душу, – как бы приглашая злобных демонов: пожалуйста, входите! И в душу несчастного входят и воцаряются в ней эти страшные «господа»". Мне представляется маловероятным, что о. Владимир ознакомился с текстом американского проповедника прежде чем написать свою статью или, что американские фундаменталисты сверяют свою позицию по наркотикам с РПЦ – гораздо более убедительное объяснение состоит в том, что представления христиан различных деноминаций о грехе, разврате и нелегитимном удовольствии уже давно сформированы и теперь транслируются независимым образом через религиозные институты, разделенные не только колоссальным расстоянием, но и накалом взаимной ненависти. Соображения экономии места не позволяют продемонстрировать мне, что представления христианских фундаменталистов о гомосексуальности, СПИДе, порнографии и ряде других "аморальных" феноменах – практически тождественны вне зависимости от конкретной деноминации, что свидетельствует о единой основе консервативного христианского дискурса.

Однако, может возникнуть вопрос, неужели в нынешней России, подвергаемой насильной секуляризации коммунистическим режимом в течение семидесяти лет, так сильны христианские представления о пороке, добре и зле? Ведь христианский дискурс о наркомании (в отличие от Запада) стал заметен на российской публичной арене сравнительно недавно, подавляющая часть российского населения не являются ортодоксальными верующими и в то же время опросы общественного мнения говорят о том, что огромная часть россиян занимают моралистическую позицию по наркотикам, схожую со взглядами религиозных моралистов. К тому же и в начале перестройки, когда роль церковных институтов была чрезвычайно невелика, советские граждане проявляли крайнюю интолерантность по отношению к различного рода девиантам, будь то гомосексуалы, проститутки или потребители наркотиков. Откуда же тогда идет такое сходство с западными моралистами? Иными словами, почему советские представления о морали и нравственности столь сильно схожи с теми, что существуют у ортодоксальных верующих, как у нас, так и за рубежом?

На мой взгляд, ответ заключается в том, что Советская власть после краткого периода либерализации в отношении к различного рода девиациям, включая наркотизм, продолжавшегося в течение 20-х годов, стала приобретать все более и более тоталитарный характер, выразившийся, в

¹⁰ С текстом статьи можно ознакомиться по адресу: http://www.narkotiki.ru/christianity_5941.html

частности, в укреплении моральных границ, отделяющих «настоящих советских людей» от различного рода «антисоциальных элементов»¹¹. При этом сами категории девиации были заимствованы из старой дореволюционной России, но их интерпретация оказалась лишена религиозного содержания, – девианты (проститутки, гомосексуалы, потребители наркотиков) рассматривались более не как те, кто нарушает традиционный моральный порядок, сформировавшийся под влиянием христианства, но как лица, подрывающие нормы советской морали. Таким образом, произошла секуляризация девиантности, когда религиозное ценностное содержание было подменено светским коммунистическим, притом что сами категории девиации остались, в основном теми же, какими они были до большевистского переворота. «Грешники» и «заблудшие» старой дореволюционной России стали «аморальными извращенцами» России советской. Такая преемственность в наполнении категорий девиантности, как раз и может объяснить то поразительное сходство, которое обнаруживается в воззрениях на девиантность (и наркотизм) западных религиозных моралистов, религиозных ортодоксов современной России и «простых советских людей».

Другая причина параллелизма аргументов в дискуссиях о наркотиках в России и на Западе заключается в единстве научного мировоззрения, которое и у нас и на Западе развивалось по общим канонам, основанным на рационализме и эмпиризме. Факт этот достаточно очевидный, и, на мой взгляд, не требует иллюстраций. В основании идеологии прогибиционизма, и в российском и в западных вариантах, лежат не только моралистические представления о пороке и добродетели, в не меньшей степени такая идеология основывается на представлениях идущих со времен Просвещения о том, что каждый полноценный член общества должен быть "нормальным" индивидом, со здоровым, рациональным разумом. Наркомания (как и любое другое психическое заболевание) в этом светском варианте прогибиционизма служит препятствием для осуществления индивидом рационального выбора, и долг специалистов, обладающих необходимым техническим знанием, заключается в том, чтобы вылечить больного и *заставить* его быть рациональным¹².

В области психиатрии, базовые понятия советских медиков и их западных коллег¹³ были практически тождественны до 50-х годов, после чего на Западе под давлением общественного

¹¹ Так в 1924 году было декриминализовано хранение наркотиков без цели сбыта, которое позже (в 1974 году) было вновь рекриминализовано (Блюдина 2002). В 1917 году была отменена судебная ответственность за гомосексуализм, не предусматривалось наказание за него и в УК РСФСР 1922 и 1926 гг. Однако, уже в 1934 году вновь вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм (Кукушкина 2000).

¹² Моралистические и научные представления о девиантности – взаимосвязаны. В книге «Девиантность и медиализация: от безнравственности к болезни» американские социологи Конрад и Шнайдер (1980) проводят анализ того, как различные феномены, определяемые обществом как «отклонения» все чаще категоризируются как «болезни». По их мнению, медиализация «отклонения» является способом сохранения его определения как нежелательного с помощью более современной (рациональной) и гуманистической системы легитимации. Таким образом, «аморальные» явления определяются как «патологические».

¹³ Я не говорю здесь о различии школ, взглядов на различные психические заболевания и т.п., речь идет о единстве научной парадигмы, определяющей базовые основы на которой покоится та или иная наука.

мнения произошла заметная гуманизация¹⁴ психиатрии, в то время как у нас в условиях тоталитарного государства, психиатрия до начала перестройки (а в значительной степени и после нее) сохранила первозданный вид с жесткими практиками исключения и деления населения на "нормальных" и "больных", требующих неусыпного контроля даже без их согласия. Как пишет профессор Владимир Менделевич (2004): "Отечественные наркологи, диктовавшие власть предрешающим что полезно обществу, а что вредно, не изжили патерналистского мышления и советских репрессивных традиций по отношению к больным алкоголизмом и наркоманией. Именно поэтому вновь был поднят вопрос о ЛТП, принудительном лечении и недобровольном освидетельствовании. В новых условиях была даже придумана новая модель - признать наркоманию психической болезнью психотического уровня с вытекающими из этого факта последствиями в виде возможности недобровольной госпитализации". Вот почему, когда читаешь многие современные российские работы по наркологии, поражаешься их сходству со "старыми" западными исследованиями - и в тех и других царит патернализм и пренебрежение правами больного. В то же время, нельзя не отметить появления либерального крыла российских наркологов, которые, по принципам своей деятельности, не отличаются от своих западных коллег.

Итак можно констатировать, что современная позиция российских консерваторов в области наркополитики, с одной стороны основана на жестком морализме, идущих с советских времен, а с другой – на традициях советской психиатрии, когда она выступала в качестве агента социального контроля, насильственно "вразумляющего" больного индивида.

До сих пор в работе обсуждались общие основания в позиции по наркотикам российских и западных консерваторов; в то же время аргументы либералов в области антинаркотической политики и у нас и на Западе не менее схожи между собой. На Западе толерантный подход к употреблению наркотиков идет от традиции либерализма, в отношениях между государством и индивидом, отдающей приоритет правам человека и свободе выбора (если это не связано с причинением вреда другим индивидам), в том числе и в выборе жизненного стиля, который может оказаться деструктивным для самого индивида. Классическим сочинением, можно сказать манифестом либерализма, является трактат социального мыслителя Джона Стюарта Милля "О свободе" содержащий, в частности, следующий пассаж. «Единственным принципом, на основании которого человечество (индивидуально или коллективно) имеет право вмешиваться в свободу действий любого из своих членов – это самосохранение. Единственной целью, во имя которой

¹⁴ В 50-х годах в Америке широко происходили процессы деинституционализации пациентов психиатрических клиник (Pichman and Rosenblatt 1987), в результате которой резко сократилось число тех, кто мог подвергнуться недобровольной госпитализации или должен был оставаться в стационаре длительное время. В результате деинституционализации с 1955 по 1980 г. численность людей, находившихся в государственных психиатрических стационарах, сократилась на 75% (Bassuk and Gerson 1985). Конечно же, во многом это связано не только с давлением общественного мнения, но и с фармакологической революцией в антипсихотических препаратах, позволивших пациентам вести адаптивный образ жизни вне стационара.

справедливо может быть применена власть над членом цивилизованного сообщества, и против его воли, является предотвращение вреда другим. Его собственное благополучие, физическое или ментальное, – не достаточное основание для применения власти» (Mill 1859: 9; цит. по Stylianou 2002).

Однако, если параллелизм или прямое тождество аргументации консерваторов в России и на Западе объясняется общностью христианской традиции и научного дискурса о норме и патологии, а развитие этой аргументации применительно к проблеме наркомании шло независимыми путями¹⁵, то в случае с аргументацией либералов – ситуация принципиально иная. Дискурс прав человека, лежащий в основе либеральной политики в области наркотиков, также присутствовал в дискурсивном пространстве дореволюционной России, как у революционных демократов, так и у умеренных либералов. Тем не менее, после победы одного из течений революционных демократов (большевиков), дискурс прав человека был задавлен идеологией коллективизма и этатизма (другими составляющими революционной идеологии), вслед за чем он стал фигурировать лишь в качестве набора пустых демагогических клише советской пропаганды (вроде пресловутого "права на труд", когда человек отказывавшийся от этого права, отправлялся за решетку за "тунеядство"). Так получилось, что дискурс прав человека послужил для большевиков лишь инструментом для прихода к власти, помогая мобилизовывать рабочих для забастовок и вербуя в ряды революционеров идеалистов-интеллектуалов, возмущенных множеством несправедливостей существовавших в царской России (а их действительно было несть числа). После прихода большевиков к власти, дискурс прав человека постепенно выродился в пустую риторику, уступив место утопическому коллективистскому дискурсу "построения коммунизма".

Ростки же либерального движения, появившегося в конце 19-ого века, яркими представителями которого были конституционные демократы (Милюков, Набоков-старший), были задушены большевистской революцией, после чего в течение десятков лет вплоть до начала перестройки, либерализма как доктрины, воплощенной в какие-либо социальные институты в России (Советском Союзе) не существовало. Конечно в СССР были диссиденты, занимавшиеся правозащитной деятельностью, но их активность была настолько маргинализована советским репрессивным аппаратом, что говорить об их влиянии на государственную антинаркотическую политику и институт психиатрии не приходится. Наоборот, словно по какой-то злой иронии судьбы, наблюдалось обратное воздействие института психиатрии на интеллектуалов: подчас, за свою правозащитную деятельность диссиденты оказывались в психиатрических стационарах. Поэтому, когда во время перестройки произошло реформирование системы психиатрической и

¹⁵ Конечно, это не означает, что контакты между сообществом советских и западных психиатров полностью отсутствовали или, что система знания советской психиатрии была автономна и независима от работ западных исследований. Речь идет о том, что в СССР существовало институционально независимое от Запада сообщество ученых-психиатров, производивших и воспроизводивших представления о норме и патологии.

наркологической помощи, а также смягчение уголовного законодательства в отношении употребления наркотиков¹⁶, в России отсутствовало сильное либеральное крыло специалистов-наркологов, имеющих давнюю традицию продвижения более гуманного подхода к наркозависимым с развитой (и одновременно приспособленной к российским реалиям) системой аргументации. Либеральный подход к наркотикам (и легитимирующая его система аргументации) в России в отличие от Запада не формировались внутренне в течение долгих лет, а практически в одночасье (в историческом масштабе, конечно) были заимствованы у либерального крыла западных специалистов, занимающихся проблемой наркомании. Инструментом трансляции этих представлений в зарождающемся гражданском обществе служили прежде всего движения, занимающиеся защитой прав человека, ряд из которых институционально поддерживался западными правозащитными организациями¹⁷. Естественно, что это заимствование либеральной аргументации в отношении употребления наркотиков было только частью общих тенденций обоснования в России дискурса прав человека, существующего на Западе на протяжении десятилетий или даже столетий, включающего и аргументацию, обосновывающую либеральную антинаркотическую политику. Этим генеалогия либеральной аргументации в России отличается от генеалогии аргументации консервативной: если источник первой – это дискурс прав человека, до этого отсутствовавший в Советском Союзе и *появившийся* на публичной арене лишь во времена "второго прихода либерализма" в России, то источник второй – *развивающийся* параллельно с западным дискурсом о морали, норме и патологии.

Именно в недолгом (пока) существовании либерального дискурса о наркотиках и отсутствии сильного крыла специалистов на него ориентированных, и лежит, на мой взгляд, одно из объяснений слабости его влияния на современную антинаркотическую политику в России. Ведь власть дискурса неотделима от власти институций, в которых он создается и транслируется: поэтому, в то время как консервативная позиция по наркотикам воспроизводится внутри мощных, институций правоохранительных органов и органов здравоохранения, которые обладают долгой историей трансляции этих представлений, развитой и многочисленной системой кадров и сильным влиянием на формирование государственной политики в отношении наркотиков, то либеральная позиция воспроизводится, главным образом, внутри правозащитных организаций, имеющих короткую историю существования, немногочисленные (по сравнению с силовыми и медицинскими

¹⁶ Это выразилось в частности в законе в Законе РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-I «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», в указе Комитета Конституционного надзора СССР от 25 октября 1990г, существенного ограничивающего принудительное лечение наркомании и поправках в УК РФ, отменяющих уголовную ответственность за потребление наркотических средств

¹⁷ Из этого не следует, разумеется, что приход в Россию дискурса прав человека является "происками" западных правозащитных организаций, прикрываемых спецслужбами, о чем не устают говорить современные российские консерваторы – в первую очередь, это было вызвано кризисом коммунистической системы и растущим недовольством *жителей России* существующим институциональным порядком. Более подробное обсуждение этого вопроса, однако, выходит за рамки данной работы.

институтами социального контроля) кадры и относительно слабое влияние на государственную политику. Конечно, нельзя сказать, что за либеральной позицией стоят одни лишь правозащитники, ее также поддерживают ряд социологов, психологов, медиков и юристов, убежденных в бесперспективности силового подхода к решению проблемы наркомании, но, в целом, они пока остаются в глубоком меньшинстве, с весьма ограниченными возможностями воздействия на процесс принятия решений в области наркополитики¹⁸. Однако, здесь мы переходим уже к другой теме – о различиях между Россией и Западом в плоскости идеологического противостояния между либералами и консерваторами.

Как я попытался показать выше – идеологическое противостояние между либералами и консерваторами в области регулирования потребления наркотиков и у нас, и на Западе, идет вдоль схожих линий – структура аргументации и тех и других – во многом идентична. Я также остановился на причинах гомологии этой аргументации: по моему мнению – это объясняется тем, что в ее основании лежит единая дискурсивная формация, характеризующая наши страны, то есть структура представлений, знаний и правил высказывания о грехе и добродетели, норме и патологии, индивиде и его связи с коллективом. Тем не менее, подобная схожесть в аргументации не означает тождества в расстановке сил в идеологическом пространстве. Говоря простыми словами, даже если стороны говорят примерно одно и то же, из этого не следует, ни того, что они оказывают одинаковое влияние на политику в отношении наркотиков, ни того, что они состоят из одних и тех же социальных и профессиональных групп.

Один из основных моментов, отличающих российскую ситуацию от западной – это доминирование прогибиционистской аргументации в идеологическом пространстве и маргинальное присутствие в нем либеральной. Если на Западе (даже, несмотря на то, что он неоднороден и наркополитика там варьируется от страны к стране) либеральные силы обладают большим общественным влиянием, многочисленны и состоят из самых различных социальных и профессиональных групп (которые включают правозащитников, социологов, психологов, медиков, юристов, представителей силовых структур и политиков высокого ранга), то в России практически все идеологическое пространство занято прогибиционистами, а сторонники либеральной линии в отношении употребления наркотиков представлены в нем лишь незначительно, влияние их невелико, а социальный состав гораздо более однороден (в основном, это правозащитники и крайне немногочисленные представители профессиональных групп медиков, юристов, социологов

¹⁸ Здесь не следует впадать в крайность и думать, что влияние либеральных сил совсем уж ничтожно. Именно под давлением либерального крыла юристов было принято постановление № 231 о разовых дозах, существенно смягчившее уголовное законодательство в отношении наркотиков. Однако, не прошло и нескольких лет, как под давлением консервативных сил это постановление было отменено. Совсем недавно в Госдуме прошел закон в третьем чтении, выводящий понятие о разовых дозах из УК РФ. Что за этим последует пока неясно. Тем не менее, этот факт свидетельствует, что позиции либералов в России встречают мощное противодействие со стороны более могущественных консервативных сил.

и психологов). Иными словами дискурс о наркотиках в России гораздо более монолитен по сравнению с западным и сильно смещен в сторону прогибиционизма. Такой перекоп выражается и в соответствующей наркополитике. Как я уже писал выше, прогибиционисты видят в ней одну основную цель – сократить (а в радикальном варианте и свести на нет) численность людей, употребляющих психоактивные препараты, определенные как наркотические; все остальные проблемы, такие как распространение инфекционных заболеваний, качество жизни людей употребляющих наркотики, количество людей злоупотребляющих легальными психоактивными веществами (никотином и алкоголем) и др. представляются им, либо как логически подчиненными главной задаче, либо несвязанными с ней, либо малозначимыми.

В то же время в Европе дискурс о наркотиках – гораздо более плюралистичен, что выражается и в его влиянии на меры, принимаемые в отношении употребления психоактивных веществ. Как следует из доклада Европейского центра мониторинга за наркотиками (EMCDDA 2002) там наблюдается некоторая конвергенция подходов к наркотикам: есть некоторые ужесточения политики в либеральных странах – Голландии, Испании, и, наоборот, ее смягчение в странах, опирающихся на репрессивные методы в антинаркотической политике – Швеция, Франция. Во всех национальных политических и законодательных инициативах стран Европы ставится цель реализовать сходные социальные меры и меры по охране общественного здоровья. Во-первых, предлагается подходить ко всем наркотическим препаратам вне зависимости от их легального статуса, то есть, теперь борьбу с наркотиками не будут считать принципиально отличной от борьбы с алкоголем и никотином, так как последние представляют опасность для общественного здоровья подчас не меньшую, чем запрещенные вещества. Для того чтобы уменьшить количество потребляемого алкоголя и никотина, предполагается ограничить рекламу этой продукции, а также увеличить ее налогообложение. Во-вторых, планируется не на словах, а на деле уменьшить ответственность простых потребителей наркотиков, – до сих пор во всех странах ЕС, кроме Норвегии, Нидерландов, Италии и Испании, основными преступлениями, связанными с наркотиками, о которых сообщает полиция, остаются употребление наркотиков и их хранение. В-третьих, пришло понимание того, что невозможно просто бороться с самим употреблением наркотиков, оставляя без внимания губительные последствия наркотизации, такие как ВИЧ, вирусные гепатиты и преступления ради добычи наркотиков, – именно поэтому во многих странах идет расширение законодательной базы для программ метадоновой поддержки, признанных эффективными в снижении этих вредоносных последствий¹⁹. Среди стран-участниц ЕС растет согласие по поводу того, что эффективный подход к проблеме наркотиков включает в себя

¹⁹ Сегодня в России часто приходится слышать, что программы заместительной терапии на Западе - уже вчерашний день (этим оправдывается нежелание видеть такие программы у нас); так вот, это не соответствует действительности, их число выросло даже больше, чем количество программ, основанных на полном отказе от наркотиков. Исследования показывают, что эффективными являются как первые, так и вторые (EMCDDA 2002).

снижение сопутствующих заболеваний наркозависимых и смертности, связанной с употреблением наркотиков, снятие с них клейма и социального исключения, и передача правдивой, а не основанной на ужасе и страхе информации о различных наркотиках и их потенциальной опасности случайным (нерегулярным) потребителям.

Вторым важным отличием российского идеологического пространства от западного является профессиональный состав групп, занимающих противоположные позиции в области регулирования потребления наркотиков. Это проявляется особенно четко в отношении двух профессиональных групп – медиков и представителей силовых ведомств. Несмотря на то, что, как указывалось выше, на Западе (и особенно в Америке) позиция в отношении употребления наркотиков не является жестко детерминированной от профессиональной принадлежности, все же можно отметить следующую тенденцию: как правило, представители силовых ведомств занимают более консервативную и прогибиционистскую позицию, в то время как медики (в целом как профессиональная группа) чаще придерживаются либеральных взглядов (даже, если это умеренный прогибиционизм). Именно эта группа на Западе является одним из главных адвокатов проектов снижения вреда, таких как обмен шприцев и программы метадоновой поддержки²⁰. В России же такое деление выражено очень слабо: как медики, так и представители силовых ведомств, склонны поддерживать прогибиционистскую политику в отношении употребления наркотиков, а программы заместительной терапии вызывают у них практически равную степень отторжения²¹.

Третье отличие российской ситуации от западной заключается в отношении консерваторов к либералам. В странах Запада дебаты о наркотиках имеют в основном идеологический характер – суть его состоит в том, что стороны по-разному понимают права и обязанности индивида, имеют разные представления о моральных границах, придерживаются различных взглядов на общественное благо и способы его достижения. Так, консерваторы адресуют либералам упреки в "мягкотелости" и неправильном видении ситуации с наркотиками; в то же время обвинения в их "продажности", лоббировании интересов фармацевтических компаний, выпускающих метадон, пропаганде наркотиков и продвижении интересов международной наркомафии не присутствуют в общественном дискурсе. Совсем иная ситуация наблюдается в России. Здесь, обвинения либералов в ангажированности и корыстности со стороны консерваторов являются одними из важнейших используемых для убеждения аудитории – российские консерваторы ставят перед собой задачу не

²⁰ Сами программы метадоновой поддержки впервые появились в Америке шесть лет спустя после исследований медицинских специалистов Доул и Нисвандер (Dole and Nyswander 1965), показывающих их эффективность в снижении различных отрицательных последствий зависимости от опиатов (Congrad and Schneider 1980).

²¹ Несмотря на то, что исследование Менделевича (2004) показывает, что отношение медиков к наркозависимым – заметно более гуманно, чем у милиционеров, позиция врачей к программам снижения вреда (за исключением специалистов в области ВИЧ/СПИД) – достаточно враждебное.

столько ответить на аргументы противоположной стороны, сколько скомпрометировать противника и показать личную (материальную) заинтересованность его позиции. Так, например, глава управления Госнарконтроля РФ по Уральскому Федеральному Округу Виталий Яковлев связал принятие постановления о средних разовых дозах с тем, что во властных структурах есть люди, лоббирующие интересы наркоторговцев (Наркотики.Ру, новости от 23 июня 2005). А прокурор республики Татарстан прямо заявил в интервью, опубликованном 24 декабря 2004 года на том же сайте Наркотики.Ру, "что как бы меня не убеждали, я считаю, что этот документ [постановление № 231 о разовых дозах] протолкнуло лобби преступного мира".

Более того, иногда в России наблюдаются попытки не только скомпрометировать либералов, но и криминализировать их, то есть сделать преступниками. Примером подобной попытки криминализации сторонников программ снижения вреда является информационное письмо заместителя Госнарконтроля А.Михайлова, адресованное начальникам территориальных органов, в котором он обвинил организаторов пунктов обмена шприцев в пропаганде наркотиков и склонении к употреблению наркотиков. "Предоставление наркоманам шприцев с разъяснениями, раздачу проспиртованных салфеток, с юридической точки зрения, можно рассматривать, как определенные способы употребления наркотиков, попадающие под положение Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 9 от 27.05.1998 года, который определил, что под склонением к потреблению наркотических средств или психотропных веществ следует понимать любые умышленные действия, направленные на возбуждение у другого лица желания к их потреблению (уговоры, предложения, дачу совета и т.п.)". Михайлов заканчивает свое информационное письмо советом руководителям регионов: "В отношении лиц, проповедующих такого рода идею ["бесплатная раздача наркотиков наркоманам"²²], необходимо принимать меры административного, а если есть основания, то и уголовного характера". Такого рода попытки криминализации, безусловно, представляют собой исключительно российскую специфику, и не имеют прецедентов в странах Запада.

Проанализировав некоторые отличия российского дискурсивного пространства от западного, попробуем теперь разобраться в особенностях российского дискурса о наркотиках, и, прежде всего, объяснить его монолитность. Итак, почему же российский дискурс о наркотиках столь монолитен и так сильно смещен в сторону прогибиционизма, по сравнению с западным?

Первая причина заключается, как ни банально это может звучать, в слабом развитии в России институтов гражданского общества. Так, в России практически нет общественных организаций, отстаивающих интересы потребителей наркотиков, слабо присутствуют на арене общественного дискурса и организации, считающие бесперспективной войну с наркотиками и призывающие канализировать общественные ресурсы не только на силовые и медицинские

²² Под этим Михайлов, вероятно, понимает программы метадоновой поддержки

ведомства, ориентированные на снижение числа наркопотребителей, но и на меры, помогающие улучшить качество жизни наркозависимых (без обязательного отказа от наркотиков) и другие мероприятия, выдвигаемые в рамках концепции снижения вреда. Вторая причина – это дискурс исключения уязвимых групп, идущий еще с советских времен, и воспроизводившиеся десятилетиями практики государственных институций, с акцентом на силовые методы в решении проблем, затрагивающих общественную мораль. Поскольку в официальном советском дискурсе социальные условия при социализме не могли порождать различные девиации, в том числе и наркотизм, вся вина за девиантное поведение целиком ложилась на индивида; при этом он мог категоризироваться либо как «моральной неустойчивый», поддавшийся соблазнам западного разложения и подлежащий исправлению в ИТП, либо как «больной», нуждающийся в принудительном лечении. Третья причина – ригидность функционирования в России одного из основных институтов, который на Западе служил двигателем гуманизации отношения к наркозависимым и перемен в области наркополитики – института медицины в целом, и наркологии в частности. Сообщество наркологов как профессиональная группа оказалась крайне невосприимчива к новым веяниям в мировой практике подходов к проблеме наркотиков и новым технологиям снижения рисков связанным с потреблением наркотиков. Как пишет В. Менделевич (2005): «Уже минимум как десять лет российская наркология живет в новых условиях. С одной стороны, существенно и кардинально изменилась структура наркологической заболеваемости – дала о себе знать и стала преобладающей наркомания. С другой, изменились требования общества ко всей системе оказания медицинской помощи, в том числе и наркологической, появилось понятие права пациента на информированное согласие на лечение, право на гуманное отношение и пр. Однако отечественная наркология продолжает жить старыми наработками, традициями, принципами и не желает учитывать реальность». К числу «старых» советских практик относится и механизм «диспансерного учета» существующий в российской наркологии. О его негативном влиянии на пути оказания наркологической помощи пишут врачи В. Подколзин и А. Фимушкин²³. «Термин “диспансерный учет” в наркологии стал равнозначным неснятой судимости. Прошло уже почти двадцать лет, мы живем уже в новой стране, а идеология оказания наркологической помощи и методов противодействия распространению потребления ПАВ осталась такой, каковой она была определена постановлением ЦК КПСС и советского Правительства». Четвертая причина заключается в отсутствии у большинства российских социологов (еще одной из важнейших сил, меняющих традиционный дискурс о наркотиках на Западе) собственной независимой и наполненной социологической рефлексией позиции по наркотикам. Большинство российских исследователей «социологии наркотизма» – занимаются обслуживанием и подтверждением

²³ С их работой под названием «Обеспечение реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья, медицинскую помощь и личную тайну – основа профилактики наркозависимости» можно ознакомиться по на сайте Нарком.Ру по адресу: <http://www.narcom.ru/ideas/common/50.html>

доминирующих медицинских и юридических теорий, их легитимацией, а также тиражированием различных клише массового сознания, «проверенных» на больших выборах²⁴. Пятая причина монолитности российского дискурса о наркотиках – это чрезмерная зависимость СМИ от первичных определителей ситуации (то есть тех, кто обладает правом легитимной экспертизы в социальной проблеме наркотиков), – представителей силовых и медицинских ведомств и отсутствия у большинства журналистов критической позиции по отношению к ним. Эта ситуация прослеживалась особенно четко в период моральной паники вокруг наркотиков, наблюдавшейся в 1998 -2001 гг, после чего положение несколько выровнялось и в настоящее время дискурс СМИ о наркотиках стал заметно более плюралистичным (Мейлахс 2004). Шестая причина – консерватизм общественного мнения, особенно избирателей старшего возраста – для которых наркотики продолжают ассоциироваться с заграничной «чумой», а наркопотребители – с «зачумленными». Седьмая причина – консерватизм политиков, которые с одной стороны сами находятся под влиянием коллективных представлений о наркотиках, сформированных во времена советского прошлого, а с другой – чувствительны к общественному мнению – и в погоне за политическим капиталом не желают идти на меры, которые могут быть непопулярными в глазах общественности. И, наоборот, во времена предвыборных кампаний жесткая позиция в отношении наркотиков служит механизмом привлечения голосов избирателей. Так, например, в последние выборы в Госдуму «Российская партия жизни» активно использовала в своей предвыборной программе тезисы «войны с наркотиками» вроде пожизненного заключения для наркоторговцев вне зависимости от количества распространяемых наркотиков²⁵.

Трудно определить насколько весомой является каждая из всех вышеперечисленных причин, поскольку здесь наблюдается сложный диалектический механизм взаимного влияния факторов. С одной стороны коллективные представления о наркотиках, десятилетиями существующие в обществе, структурируют дискурсивные практики самых различных институций и акторов, таких как силовые ведомства, органы здравоохранения, СМИ и агенты поля политики. Индивиды, принадлежащие к этим институциям, прошли процесс социализации еще до того, как они выбрали ту или иную профессиональную карьеру – в процессе этой социализации они «впитали» доминирующий дискурс о наркотиках, который позже стал транслироваться в соответствующие дискурсивные практики в их деятельности внутри этих институций. С другой стороны, сам доминирующий дискурс о наркотиках не смог бы существовать, если бы он постоянно не воспроизводился внутри различных профессиональных институций, которые и способствуют сохранению коллективных представлений о них. Невозможно определить, что здесь первично, а

²⁴ К числу немногочисленных исключений можно отнести труды Научно-исследовательского центра "Регион". См. книги "Героинашеговремени", "Тринадцатый шаг: социология наркотизации", "Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики" и др. работы.

²⁵ Заявление главы этой партии Сергея Миронова было опубликовано 17 февраля 2004 года на сайте Наркотики.Ру.

что вторично, во многом это напоминает известную проблему «курицы и яйца». Во всяком случае, не следует переоценивать влияние различных элит, профессиональных институций и СМИ на коллективные представления, как это делают многие социологи, считающие, что этим группам принадлежит решающая и чуть ли не единственная роль в конструировании социальных проблем и что эти группы жестко задают представления в общественном сознании о той или другой из них. Часто усилия элит и профессионалов навязать свои представления о каком-либо негативном (с их точки зрения) феномене наталкиваются на глухое сопротивление масс – таков был случай с проблемой алкоголя в первые годы перестройки. Тогда, несмотря на то, что в тоталитарном государстве пропагандистские ресурсы государства и медиков и их возможности определять государственную политику в отношении алкоголя были огромны, элитам так и не удалось трансформировать коллективные представления населения страны об алкоголе, для подавляющего большинства которого, частое его потребление так и осталось «нормальной», а в ряде случаев, и обязательной социальной практикой. Одним словом, конструкции политических и профессиональных элит должны вызывать определенный общественный резонанс, получать определенный отклик у населения, если этим представлениям суждено стать коллективными, то есть существующим на уровне повседневности и разделяемым широкими слоями населения знанием.

В случае проблемы наркотиков такой резонанс имел место, и жесткий прогибиционистский дискурс о наркотиках, существующий в рамках различных социальных институций, вызывал и продолжает вызывать положительную реакцию у населения, чем пользуются и СМИ и политики и все другие социальные акторы, ставящие перед собой как «бескорыстные», то есть основанные на моральном убеждении, так и инструментальные цели (вроде повышения рейтинга или тиража издания). Можно сказать, что прогибиционистские позиции профессиональных и политических элит и прогибиционистское сознание населения взаимно усиливают друг друга. Такое совпадение общественных представлений о наркотиках и их потребителях как о крайне негативном феномене с определениями ситуации вокруг них, выдвигаемых в рамках различных институциях социального контроля, дает мало оснований надеяться, что российский дискурс о наркотиках будет заметно плюрализован в ближайшее время и монополия прогибиционистского дискурса будет разрушена. Для этого необходима определенная нормализация потребления наркотиков, когда подрастет поколение россиян, для которых наркотики не будут непременно ассоциироваться с «иноземной заразой» и «чумой», а само потребление наркотиков не будет автоматически восприниматься как что-то безусловно аморальное вне зависимости от их вида и частоты потребления. Иными словами необходима трансформация *наркотических практик* россиян, когда знание о наркотиках будет основываться на реальном опыте (либо своем, либо своего непосредственного окружения), а не черпаться из СМИ или приходиться из недр различных

институций социального контроля (силовых или медицинских)²⁶. Такая нормализация постепенно происходит в России, что отражается в менее негативном и более гуманном восприятии потребителей наркотиков молодым поколением россиян, по сравнению с поколением их родителей, о чем подробнее речь пойдет ниже. Показательно в этой связи, что последняя книга НИЦ "Регион", сотрудники которого всерьез и непредвзято занимаются изучением жизненных практик современной молодежи, называется "Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики".

Наркотик как "загрязняющее" вещество или куда исчезают дети?

Почему же в российском обществе в целом и в сообществе наркологов в частности существует такая непримиримая позиция в отношении употребления наркотиков в немедицинских целях? Я выделил наркологов в отдельную категорию, потому что они, казалось бы, должны лучше остальных понимать реальные угрозы потребления различных наркотиков, основываясь на рациональных, а не на моралистических соображениях, стремится к облегчению положения наркозависимых, исходя из принципов медицинской этики, и ставить перед собой достижимые, а не «желательные», но утопические задачи. И тем не менее, зачастую этого не происходит. В работе «Современная российская наркология: парадоксальность принципов и небезупречность процедур», на которую я уже ссылался выше, профессор В. Менделевич проводит критический анализ принципов современной российской наркологии.

Менделевич указывает на ряд парадоксов, стоящих перед российской наркологией, среди которых я хотел бы выделить «парадоксальность принципа цели» и «парадоксальность этических принципов». Парадоксальность принципа цели заключается в том, что российские наркологи ставят перед собой задачи излечения пациентов «любой ценой». Можно сказать, что большинству российских наркологов присуща максималистская позиция – все или ничего. При этом, люди не способные полностью отказаться от наркотиков²⁷, так сказать, «выбрасываются за борт» – сохранение, продление и повышение качества их жизни не входят в цели отечественной наркологии. Парадоксальность принципа цели, когда единственными легитимными субъектами медицинской помощи являются лишь те, кто способен полностью отказаться от употребления наркотиков (несмотря на то, что такие люди составляют меньшую часть из всего количества наркозависимых, нуждающихся в медицинском внимании) тесно смыкается с парадоксальностью этических принципов современной российской наркологии. Последняя проявляется в том, что врачи ставят собой цель действовать не во благо больному, а «решать» общественные проблемы

²⁶ В этой связи вполне логичным выглядит утверждение, что трансформация отношения к наркотикам среди населения на Западе и существующее де-факто (а в некоторых странах и де-юре) разделение их на легкие и тяжелые явилось следствием распространения практик потребления наркотиков в этих странах, начавшееся в 60-е годы.

²⁷ А таких по мировым оценкам оказывается около 70%.

путем принудительной изоляции своих пациентов (речь идет о принудительном лечении, за которое ратуют многие современные российские наркологи). Тем самым нарушается принцип биомедицинской этики, когда медицинский работник превращается из врача в социального инженера.

Одним из выводов, который можно сделать, прочтя статью Менделевича, будет тот, что принципы современной российской наркологии сложно оправдать, основываясь исключительно на рациональных соображениях. Трудно их оправдать и исходя из принципов биомедицинской этики. Если даже отечественные наркологи, которые, казалось бы, должны обладать наиболее полным знанием о наркомании, оказываются во власти коллективных представлений, оправдывающих репрессивные меры воздействия по отношению к потребителям наркотиков (такие как их принудительное лечение), то трудно ожидать взвешенного подхода к проблеме наркотиков от более широкой аудитории (т.н. «обычных людей»).

Итак, невозможно объяснить непримиримую позицию в отношении употребления наркотиков, существующую в российском обществе, руководствуясь лишь рациональными аргументами. Ведь в России свободно продаются легальные психоактивные вещества, такие как алкоголь и никотин, разрушительные последствия употребления которых, в социальном масштабе несравненно большие, чем вред, наносимый наркотиками. Есть и другие социальные проблемы, такие как дорожно-транспортные происшествия и пожары, в результате которых гибнут десятки тысяч людей ежегодно, и которые в то же время не сопровождаются таким общественным интересом и накалом страстей, какие наблюдаются при обсуждении проблемы наркотиков. Выше я попытался кратко обрисовать генеалогию дискурса о наркотиках в России, теперь же я хочу более подробно остановиться на механизмах воздействия наркотиков на общественное сознание. Это может звучать как парадокс – принято считать, что наркотики воздействуют на индивидуальное сознание потребителя – но такой взгляд представляется слишком упрощенным, поскольку употребление наркотиков – социальный феномен, оказывающий влияние (пусть и не фармакокинетическое) на сознание тех, кто не употребляет наркотики подчас не меньшее, чем на тех, кто их использует. Действительно, влияние наркотиков на сознание студента балующегося марихуаной на вечеринках ограничивается лишь временем ее употребления, в то время как сознание некоторых активистов антинаркотических движений пронизано проблемой употребления наркотиков настолько сильно, что они решают посвятить «войне с наркотиками» всю свою жизнь.

Для того, чтобы попытаться определить механизмы воздействия наркотиков на общественное сознание, попробуем взглянуть на проблему наркотизма с позиции активно развивающейся в последние годы социокультурной теории рисков. В современном обществе понятие риска занимает все более важную роль на арене общественного дискурса. Появилось даже новое название для современного типа общества – «общество риска», введенное в оборот социологом Ульрихом Беком

(2000) в 1986 году. Концепция риска отлична от понятия опасности: опасность – это то, что существует в объективном мире и несет нам угрозу, в то время как риск – эта субъективная оценка вероятности того, что, то или иное опасное событие произойдет. Действительно, как пишет Ян Хэкинг (2003) слово «опасность» в различных европейских языках существовало с незапамятных времен, тогда как появление слова «риск», произошедшего от итальянского слова «rischio», относится лишь к шестнадцатому столетию. Появление «риска» не случайно – оно совпадает с подъемом «духа капитализма» описанного Максом Вебером, сопровождающегося ростом рационализации предпринимательской деятельности. Рациональная экономическая деятельность стала пониматься как антитеза средневековому авантюризму, полагающемуся на *фортуна* – удачу, шанс (O'Malley 2003); в противовес этому капиталистическое предпринимательство стремилось снизить неопределенность окружающей среды путем расчетов всевозможных рисков, оценки вероятности наступления тех или иных благоприятных и неблагоприятных событий. Как раз в это время появляется институт страхования. К 17 веку *вычисление* стало доминировать над инстинктом, традицией, и жизненной мудростью (Hacking 2003). В 1658 году выходит первый учебник по теории вероятностей, написанный знаменитым физиком Христианом Гюйгенсом. Ограничения места не позволяют мне подробно описать процессы «укрощения шанса» (Hacking 1990), с помощью бурно развивающихся дисциплин теории вероятностей и математической статистики, скажу лишь, что к шестидесятым годам двадцатого столетия появились даже новые профессии, занимающиеся «анализом и менеджментом рисков», которые на Западе заняли нишу в самых различных правительственных и неправительственных институциях (промышленных корпорациях, организациях здравоохранения, структурах безопасности). Одним словом, современное общество не просто «боится» опасных событий и «надеется» на то, что они не произойдут, а оценивает и просчитывает вероятность их наступления. В этом смысле концепцию общества риска следует понимать как растущую рефлексивность человечества по поводу всевозможных опасностей, которые подстерегают членов человеческих сообществ, появившуюся в результате всевозрастающей рационализации различных сфер человеческой жизни (Garland 2003).

Итак, в отличие от опасностей, риски не существуют вне нашей оценки и знания о них. Они продукты человеческих вычислений или прикидок, сделанных, для того чтобы снизить неопределенность окружающего мира. Однако, несмотря на то, что эти оценки представляются ценностно-нейтральными и объективными (и различные статистические и математические методы помогают в придании им такой видимости), риски неразрывно связаны с человеческими ценностями и предпочтениями. Риски всегда социально конструируются (что не делает опасности с ними связанными менее реальными) и процесс их отбора, суждений по их поводу, распределение ответственности за их управление и методы их снижения широко варьируются от индивида к индивиду, от группы к группе и от культуры к культуре (Garland 2003:69). Как пишут знаменитый

британский антрополог Мэри Дуглас и другие исследователи, риски, которые мы идентифицируем, говорят о наших психологических чертах, культурных предпочтениях, структурах восприятия и институциональной принадлежности, не меньше, чем об опасностях, которые существуют во внешнем объективном мире (Douglas 1992; Douglas and Wildawsky 1982). К примеру, в 19-ом веке опасность потери чести среди дворянского сословия в России оценивалась гораздо выше, чем опасность потери жизни – из-за нее люди часто шли на дуэли и *рисковали* жизнью, тогда как в наше время такой этос практически утратил свою значимость.

Таким образом, риск неотделим от ценностей и морали; риск, несмотря на весь флер «объективности» - всецело моральная категория. «Нейтральный язык риска – это все то, что у нас есть, для того чтобы связать известные факты существования с конструированием морального сообщества...риск, опасность и грех используются в мире, для того чтобы легитимизировать политику или дискредитировать ее, защитить индивидов от хищнических институций или защитить институции от хищнических индивидов» (Douglas 1990: 4-5). Ввиду этого дискурс риска – это одновременно и дискурс ответственности, подотчетности и возмездия. Риск используется как дискурсивная тактика, с помощью которой мы можем обрушиться на наших оппонентов, обвинив их в том, что их политика будет представлять угрозу для той или иной социальной группы или общества в целом. Он также используется и для обвинения индивида в аморальности, если его поведение представляет риск для других индивидов. Алан Хант (1999) утверждает, что за последнее столетие в обществе произошли значительные изменения в путях моральной регуляции индивидов. В девятнадцатом веке «мораль» была особой и самостоятельной категорией – поступки нарушающие ее оценивались как «аморальные» без обращения к какому-либо дополнительному ресурсу легитимации. По мере либерализации общества мораль стала функционировать через посредничество других дискурсивных форм, наиболее важными из которых являются дискурсы «вреда» и «риска». Претендующая на ценностную нейтральность концепция «вреда» заменила концепцию «чистой» морали во многих сферах человеческой жизни, в результате чего для классификации того или иного поступка как «неправильного» стало нужным доказывать, что он наносит вред другим индивидам. Концепция «вреда» играла ведущую роль в категоризации человеческих действий на протяжении большей части двадцатого столетия, однако, к концу его на первое место вышел дискурс риска: «неправильные» поступки не обязательно должны наносить *вред* другим индивидам, для этого достаточно, чтобы они содержали в себе *риск* такого вреда²⁸. Как подчеркивает Хант, моральное измерение вовсе не исчезло из оценки различных форм

²⁸ Стоит отметить, что риски далеко не всегда «вычисляются» - этим занимаются институции, тогда как обычные индивиды в большей степени склонны «прикидывать» риски, полагаясь при этом на здравый смысл, сформированный предшествующими эмоциональными, идеологическими и культурными детерминантами. Как отмечает Хэггерти (2003) индивиды часто руководствуются «логикой предосторожности», смысл которой заключается не в снижении вероятности какого-либо негативного события, а в стремлении избежать наихудший катастрофический вариант развития этого события.

человеческого поведения, оно лишь оказалось погребено внутри дискурсов, чьи характеристики имеют утилитарное обличие ценностной нейтральности (Hunt 2003)²⁹.

Экскурс в социокультурную теорию рисков предназначался вовсе не для того, чтобы отдать дань последним модным тенденциям мировой социологии, тема дискурса риска непосредственно связана с целью этой главы – определить механизмы воздействия наркотиков на общественное сознание. Трудно не согласиться с тем, что употребление ряда наркотиков сопряжено с опасностями. Более того, потребители таких наркотиков часто представляют опасность не только для себя, но и для окружающих. (Другое дело, что эти опасности возникают, в первую очередь, не из-за употребления наркотиков как такого, а из-за их криминализации, вследствие чего цены на наркотики достигают немыслимых высот и зависимый потребитель вынужден прибегать к различным криминальным деяниям, чтобы обеспечить себя материальными ресурсами, необходимыми для приобретения наркотиков³⁰). Так может быть, именно в опасности, которая таится в наркотиках и их потребителях можно объяснить такую сильную эмоциональную реакцию отторжения, какую они вызывают у большинства населения России? Однако, опасностей в жизни много, и на ряд из них мы просто не обращаем внимания, тогда как некоторые из них вызывают у членов общества крайне сильную эмоциональную реакцию (волнение, страх, ненависть). Например, одно из легальных психоактивных веществ – алкоголь подобной реакции не вызывает, несмотря на то, что доля лиц, совершивших преступление в состоянии наркотического опьянения за период с января по ноябрь 2005 года, оказалась равной лишь 0.4% от всех выявленных лиц, совершивших какие-либо преступления, тогда как доля “пьяной” преступности составила в среднем 21,2% всех преступлений³¹. Можно долго перечислять опасности грозящие людям, такие как техногенные и природные катастрофы, глобальное потепление климата, вирусные инфекции, дорожно-транспортные происшествия, болезни и т.п., которые, однако, не сопровождаются общественными моральными паниками, наподобие тех, что возникают по поводу наркотиков, в России, Америке и других странах. Так что же характеризует те опасности, которые переживаются членами данного сообщества особенно остро, что делает их такими, что связанные с ними риски входят в «портфель рисков» этого сообщества? Вслед за Дуглас и Вильдавски (1982) Хэкинг определяет «портфель рисков» как набор надежд (но в особенности страхов), которые

²⁹ Из этого не следует, конечно, что открытые моралистические дискурсы полностью исчезли с публичной арены, примеры, которых были показаны в начале этой работы. Скорее, Ханта интересует здесь не консервативный «чистый» моральный дискурс, а умеренно-консервативно и умеренно-либеральные дискурсы, претендующие на ценностную нейтральность.

³⁰ Из чего абсолютно не следует моральная оправданность таких деяний. Потребитель наркотиков, безусловно, должен нести за них ответственность, в том числе и уголовную. Однако, это не отменяет значимости социальных условий, способствующих такого рода поведению и ответственности общества и законодателей за их существование.

³¹ Статистика МВД России. С документом можно ознакомиться на сайте МВД по адресу <http://www.mvd.ru/files/3833.pdf>

воздействуют на коллективные чувства с большой силой, вызывают особую обеспокоенность и порождают сильное желание что-либо сделать в их отношении (Hacking 2003: 33)³².

Я склонен присоединиться к мнению социальных исследователей таких, как Дуглас, Лаптон и Хэкинг, которые связывают остроту восприятия рисков с моральными порядками человеческих сообществ. Так, Лаптон полагает, что «риски, получающие наибольшее внимание в какой-либо культуре – это те, что связаны с легитимизирующими моральными принципами [этой культуры]» (Lupton 1999: 45). «В сердце этих «рисков» лежат эмоциональные измерения, вызванные посягательством, трансгрессией: злость, волнение, фрустрация, ненависть, ярость, страх» (Lupton 1999: 45). Схожим образом, в работе «Риск и Грязь» Ян Хэкинг пишет, что, для того чтобы какой-либо из рисков вошел в «портфель рисков» данного общества, опасность с ним связанная должна интерпретироваться как атака на «чистоту этого общества», как угроза его реального или символического загрязнения (Hacking 2003: 42). Что подразумевают выражения «чистота сообщества» и «символическое загрязнение сообщества»? Чистота и загрязнение – это две стороны одной медали – культуры, и первая немислима без второй. Дуглас считает, что правила загрязнения – это практически универсальный механизм для определения коллективной идентичности общества, для его чувства самовосприятия. В различных сообществах существуют разные загрязняющие вещества, на которые наложены табу: у мусульман – это алкоголь и свинина, у иудеев – свинина и другие некошерные продукты; эти табу придают этим сообществам специфическую коллективную идентичность и отделяют их от других сообществ. С другой стороны – правила соблюдения чистоты регулируют сообщества изнутри, по их соблюдению судят о соответствии индивида моральным стандартам этого сообщества. Дюркгейм называл моральным порядком общества систему восприятия и классификации реальности, которая регулирует, структурирует и организует отношения в этом сообществе. Соответственно любое общество имеет символические и моральные границы, то есть те линии, которые включают в него полноправных членов сообщества и исключают из него чужаков, которые могут быть как внешними, то есть отличными по территориальной принадлежности, так и внутренними – несоответствующими моральным стандартам этого сообщества. Такие линии могут быть выражены через нормативные запреты (табу), и культурные аттитюды и практики, отделяющие «нас» от «них» (Lamont 2001). Бинарная оппозиция «мы» и «они» является базовой, которая и делает возможной саму концепцию социальной идентичности (Jenkins 1997). Моральные границы – это один из видов символических границ, которые можно определить как систему различий, используемых для категоризации объектов, людей, практик, а также пространства и времени (Lamont 1992:9). На макросоциологическом уровне работа по поддержанию моральных границ, по включению и

³² Метафора «портфеля» в применении к рискам была позаимствована у брокеров, обладающими портфелями ценных бумаг, каждая из которых сулит определенный барыш, но связана с риском, что он не будет получен.

исключению, происходит для поддержания внутреннего порядка в сообществе, с помощью принуждения к следованию коллективным нормам. Правила загрознения и поддержания чистоты – это как раз те функциональные механизмы «граничной работы», то есть поддержания символических границ сообщества.

Когда моральные границы проходят через период переоценки и ревизии, как часто происходит во время кризиса или революции, такая неопределенность может привести к возникновению моральной паники и требованиям к укреплению моральных границ сообщества. Так, например, моральная паника по поводу молодежных беспорядков в Англии, по мнению автора этой концепции Стэнли Коэна (Cohen 1973), явилась реакцией на изменяющийся в 60 годы статус молодежи. Попытки криминализации либерального дискурса о наркотиках, о которых я уже писал выше, наблюдавшиеся во время российской моральной паники по поводу наркотиков, на мой взгляд, объясняются именно тем, что меры предлагаемые в рамках этого дискурса направлены на снижение отрицательных *последствий* наркотизации, такие как смерть от передозировок, сопутствующие заболевания, преступность вокруг наркотиков, но не предлагают главного для тех, кто принимает участие в конструировании моральной паники вокруг наркотиков, – защитить *моральные границы*, которые и является главным ее объектом. Как раз традиционная мораль в рамках либерального дискурса терпит поражение, а моральные границы, регулирующие легитимное и нелегитимное удовольствие, оказываются пересечены и переопределены. Именно такая ситуация кризиса существовала в России середины 90-х во времена всплеска интереса прессы к наркомании. Итак, социальная функция моральных паник состоит в защите моральных границ сообщества, а способами этой защиты служат различные стратегии амплификации (увеличения) рисков того или иного явления вокруг которого разгорается моральная паника. Такие дискурсивные стратегии были описаны в моей работе «Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ» (Мейлахс 2004). К ним относятся: 1) Спираль сигнификации (Hall et al. 1978) - способ сигнификации (обозначения) общественных проблем, целью которого является увеличение воспринимаемой угрозы, путем отождествления сигнификатора с более острой социальной проблемой (например, называть употребление наркотиков, «чумой», «национальной катастрофой»). 2) Конвергенция проблем (Hall et al. 1978). Конвергенция проблем происходит, когда в процессе сигнификации два вида активности связываются между собой с целью увеличения эффекта и размера опасности. Например, наркотерроризм (проблема наркотиков путем сигнификации связывается с проблемой терроризма), наркоинтервенция – наркотики+интервенция. 3) Автоматическая проблематизация имеет место тогда, когда с проблемой наркотиков автоматически (само собой разумеющимся образом) связываются другие социальные проблемы, такие как, например, преступность и СПИД. (об этом я уже писал выше). 4) Социальная работа по категоризации, в результате которой все

люди, употребляющие любые наркотики с любой частотой, относятся к одной категории - «наркоманы». 5) Селективная типизация. Так, например, при презентации СМИ преступлений, связанных с употреблением наркотиков, случаи тяжких преступлений (убийства) подаются как типичные, о них пишется больше всего, в то время как доля наркозависимых совершивших такого рода преступления крайне мала (Русакова 2000). Стратегии амплификации рисков часто достигают поставленной цели – сформировать у населения чувство страха и подвигнуть его к одобрению репрессивных мер в отношении «народных дьяволов», то есть тех, кому приписывается персональная ответственность за сложившуюся ситуацию. Так, в моем пока не опубликованном исследовании отношения родителей и школьников к различным аспектам криминальной и медицинской моделей наркомании³³, было установлено, что чем в более негативном свете видит ситуацию респондент, тем в большей степени он поддерживает расход государственных средств на ужесточение борьбы с потребителями наркотиков, это справедливо, как для группы родителей, так и для группы школьников.

Как отмечает Чэс Критчер (2003) в работе «Моральные паники и медиа» современные моральные паники имеют тенденцию концентрироваться вокруг темы детей и детства. Работы Джозела Беста «Дети под угрозой: риторика и беспокойство о детях-жертвах» (1993), Филипа Дженкинса "Моральная паника: изменяющаяся концепция педофила в Америке"(1998), "Педофилы и священники: анатомия современного кризиса" (2006) и других авторов показывают, как тема детства эксплуатируется моральными антрепренерами для создания различных моральных паник, будь они вокруг похищения детей, педофилии, насилия над детьми (child abuse), компьютерных игр и т.п. Это не означает, что этих явлений не существует – моральная паника свидетельствует лишь о повышенном и не подкрепленном объективными данными восприятии их рисков. Это обстоятельство – не случайно. Для объяснения этого феномена как раз и необходимо вновь обратиться к тезису о том, что риски переживаемые в обществе особенно остро относятся к тем, что связаны с правилами чистоты и загрязнения, регулируемыми его моральные границы. Традиционно в культурах большинства народов мира (в том числе и российской) дети выступают символом чистоты. Наркотики как раз и являются тем загрязняющим веществом, которое разлагает «нравственность наших детей», покушается на их чистоту (а значит и на чистоту самого сообщества). Как пишет юрист, профессор Л.И. Романова: «Страшнее всего, что наркомания и наркотизм разрушили нравственное сознание людей» (Романова 2003: 47). Ян Хэкинг отмечает,

³³ Описание и подробный анализ этих моделей проводится в моей работе «Человек наркозависимый: свободный преступник или больной раб? Анатомия криминального и медицинского дискурсов наркомании» // Наркотики, наркомания, наркополитика и жизнь (под ред. А. Сафронова и Я. Гилинского) СПб.: «Юридический центр», в печати. В самом кратком виде можно сформулировать их следующим образом: криминальная модель рассматривает наркоманию, в первую очередь, как феномен преступности, а медицинская – болезни.

что война с наркотиками презентуется в основном не вокруг реальных угроз наркотиков; ее риторика – это риторика символического загрязнения (Hacking 2003:39). Наркотики и наркоманы загрязняют наших детей, делают из них ничего не соображающих зомби, способных на все для добычи наркотиков – для них уже не существует никаких преград и моральных ограничений, все их действия подчинены одному - поиску наркотиков. При этом к загрязненным детям уже нет жалости, «грязные дети» приобщают к наркотикам «чистых детей». Символически чистое существо, ребенок, исчезает и на его месте возникает символически и физически нечистое существо – «грязный наркоман». Именно это может объяснять, почему в общественном сознании, равно как и в доминирующих медицинском и криминальном дискурсах наркомании, практически не существует разделения потребителей наркотиков на зависимых от них и употребляющих их эпизодически, а есть лишь «наркоманы» – и первые и вторые уже подверглись ритуальному осквернению наркотиками и лишились своеобразной антинаркотической девственности. Дискурсы о «чистых» детях, которым угрожают наркобароны и наркоманы и дискурсы о «грязных» наркоманах, способных на все ради дозы и совращающих «чистых детей» сосуществуют как бы в разных плоскостях, - дети воспринимаются исключительно в качестве объекта «наркоугрозы», а «наркоманы» - в качестве ее носителей. То что «наркоманы» - это тоже, очень часто, дети, причем вчерашние «чистые» дети, хоть и признается на фактическом уровне деклараций о том, что «наркомания – это болезнь молодых», но отрицается на уровне символическом; дети-наркоманы оказываются лишены чистоты, то есть, по сути, и самого статуса детства. Именно так исчезают дети, рискнувшие попробовать наркотики – они подвергаются дискурсивному ритуалу «символического ограбления», в ходе которого у них отбирается один из главных символов детства – чистота, после чего все они автоматически превращаются в монолитную категорию постоянных носителей угрозы – «наркоманов». С ними же, теми, кто атакует детство, церемониться не следует. Как заявил недавно в интервью на «Эхо Москвы» глава Федеральной службы по Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков Виктор Черкесов: «Знаете, когда убивают наших детей, иногда мы и не успеваем придумать достаточно точную и гармоничную форму сопротивления и нейтрализации врага».

Схожая ситуация наблюдалась и с попытками введения уроков сексуального просвещения в России. В работе "Публичное пространство в дискурсе российского неоморализма" (Мейлахс 2004) я проследил как тема сексуального просвещения презентировалась на страницах двух российских изданий "Российской газеты" и "Независимой газеты". Проекты, касающиеся сексуального просвещения школьников в России, первоначально были восприняты очень благосклонно в обоих изучаемых мною изданиях. В 1996 году было опубликовано несколько статей, которые буквально доказывали необходимость такого воспитания. Однако, к середине 1997 году ситуация стала

меняться. Стало появляться все больше статей клэймсмэйкеров³⁴ (главным образом, священников и педагогов), утверждавших, что такие программы «сеют разврат и учат школьников различным извращениям». По мнению Игоря Кона против сексуального просвещения был объявлен «крестовый поход» (РГ, 21.05.2003). В «Российской газете» происходит процесс, который можно назвать «конструированием научного консенсуса». Так, если в начале 1997 года публиковались самые разные статьи, которые содержали экспертные мнения, как поборников сексуального воспитания, так и их противников, то к середине года позиция газеты радикально меняется – вредоносность сексуального воспитания объявляется научно доказанной, с использованием выражений вроде «психологи и педагоги прогнозируют» (моральную деградацию российской молодежи), хотя еще несколько номеров назад, в газете публиковались мнения психологов и педагогов, утверждавших прямо противоположное. В 1999 году, несмотря на то, что количество материалов, посвященных сексуальному просвещению в «Российской газете» невелико, тон приобретает более паникообразный характер, близкий к тому, что использовался при описании наркомании. Еще одна характерная черта: смещение акцентов в легитимации – если в 1997 году главными доводами противников сексуального просвещения были рациональные аргументы, – сексуальное просвещение, по их мнению, породит больше проблем, чем их решит (больше аборт, половых инфекций и т.п.), то в 1998, 1999 гг. году основным аргументом против полового воспитания стал тот, что оно противоречит «нашей Православной культуре» (РГ, 06.10.1999, РГ, 20.02.1999), «ядру нашей культуры». «Пожалуй, в русской культуре нет более табуированной темы, чем тема физической любви, этот запрет лежит в культурном ядре, в этой части культуры (и природы), которая не поддается трансформации. Ядро можно только взорвать...Ну а теперь представим себе, что наши дети будут под руководством взрослых изучать то, о чем у нас в разговорах с детьми принято традиционно умалчивать. Что может произойти при таком варварском посягательстве на культурное ядро? Конечно, ядерный взрыв» (НГ, 20.01.1998). К 2000 году проблема постепенно исчезает из поля внимания СМИ, – проекты по сексуальному воспитанию оказались в России закрытыми. Такое неприятие программ по сексуальному просвещению подростков также служит примером того, как тема детства эксплуатируется различными моральными антрепренерами для защиты моральных границ – в этом случае "загрязняющим" детей оказывается знание об основах половой жизни.

Моральная паника вокруг наркотиков, дебаты вокруг проектов сексуального просвещения и другие "битвы за моральные границы", вокруг таких тем как порнография и гомосексуальность, происходили в определенном социальном контексте – подъеме волны неоморализма, то есть постепенного отката от перестроечных либеральных ценностей и одновременного возврата к

³⁴ Клэймсмэйкеры – те, кто выдвигает утверждения-требования в отношении какого-либо проблематизируемого условия, термин, введенный в оборот социологами М. Спектором и Дж. Китсьюзом в их классической книге "Конструируя социальные проблемы" (Spector and Kitsuse 1977).

старым советским ценностям и сплава их с «новой русской идеей Православия» и возвращения к своим «русским корням», характеризующих пост-ельцинскую Россию³⁵. Символическим действием, направленным на освящение этого сплава, на мой взгляд, явилось принятие Государственной Думой советского гимна вместе с государственным флагом старой дореволюционной России. Тема наркомании как моральной деградации общества была лишь одной из многих тем, затрагивающих «моральное падение» российского общества. Так, например, именно в то время появилась инициатива депутатов Государственной думы Г. Райкова и Д. Рогозина вновь ввести уголовное наказание за гомосексуализм. К этому времени относится и появление молодежного движения «Идущие вместе», центральным организующим моментом которых являлись не политические требования (течение полностью поддерживало президента и его курс), а исключительно моральные – остановить «засилье порнографии, гомосексуализма, наркомании». Во всех этих случаях целью неоморалистов являлись попытки остановить символическое осквернение общества от "чуждых" российских традицией "загрязнителей". Еще раз стоит отметить, что во всех этих "моральных битвах" в разной степени эксплуатировалась тема детства: риторические стратегии неоморалистов строились на том, что порнография растлевает наших детей, гомосексуалисты – их совращают, наркотики превращают их в зомби и убивают, а половое просвещение развращает их мозги³⁶. Стоит подчеркнуть, что неоморализм не является в настоящее время полноценной государственной идеологией, наподобие коммунизма в советские времена. Речь идет об определенных тенденциях, которые могут приобрести большее влияние в обществе, а могут, так и остаться лишь одной из составляющих общественного дискурса о морали.

Итак, мы подошли к объяснению парадоксального (с рациональной точки зрения) факта, почему наркотики так сильно воздействуют на общественное сознание россиян: для подавляющего большинства из них наркотики являются "загрязняющим" веществом, с помощью которого ведется атака на чистоту общества и, в первую очередь, на один из символов этой чистоты – детей. В свете этого, совсем не удивительно, что проблемы связанные с употреблением алкоголя не вызывают такого всплеска эмоций, который вызывает феномен употребления наркотиков, несмотря на то, что отрицательные последствия и опасности (но не риски!) для социума его злоупотребления многократно превышают те, что ассоциированы с наркотизмом. Алкоголь традиционно присутствует в российской культуре и поэтому не является "загрязняющим" веществом, скорее,

³⁵ Меньше всего мне хотелось бы, чтобы эти слова интерпретировались так, будто речь идет о возвращении авторитаризма в России, как это представляется некоторым либеральным критиками нынешнего режима. В данной статье анализируется лишь моральный и символический порядки, изменения в которых могут сопровождаться, а могут и не сопровождаться трансформацией порядка политического. В этом случае авторитаризм является лишь одной из возможных альтернатив. Примером неоморализма без прихода авторитаризма может служить США эпохи Рейгана в начале 80-х. В то же время Иранская революция Хомейни представляла собой образец неоморализма тоталитарного типа.

³⁶ При том, что все эти утверждения никак не подтверждаются эмпирически; впрочем, даже серьезных попыток как-то верифицировать такие утверждения со стороны неоморалистов не наблюдалось.

наоборот, его употребление служит одним из маркеров российской национальной идентичности. Именно поэтому "непьющие" в нашем обществе часто сталкиваются с подозрением, а иногда и отторжением в различных социальных средах – их отказ употреблять алкоголь представляется как нарушение культурных кодов, характеризующих российскую национальную идентичность. (Автору этих строк, не употребляющему алкоголь, неоднократно приходилось сталкиваться с таким отношением к себе в самых разных социальных контекстах, от банкетов представителей региональной элиты до празднеств в собственном институте, что лишний раз свидетельствует о том, что распитие алкогольных напитков является важной составляющей российской национальной идентичности, объединяющей все слои общества, и рабочих, и бюрократов, и научных работников с академическими степенями).

Моральные границы: фиксация на старом или восприятие нового?

Из моих предыдущих рассуждений о том, как наркотики воздействуют на общественное сознание, можно сделать неверный вывод, что само понятие «моральных границ» обладает для меня отрицательной коннотацией и, что «защита моральных границ» непременно ассоциируется с чем-то репрессивным и авторитарным, с борьбой автономного индивида против подавляющего его социума. Это совершенно не так. Как я писал выше, любое сообщество характеризуется определенными моральными границами и не может существовать без них. Так, для либерального общества, фашизм и расовая нетерпимость являются такими же «загрязняющими» феноменами, как наркотики или сексуальные меньшинства для тоталитарных обществ. Взрыв коллективных чувств либералов по поводу проявлений антисемитизма или атак на иностранных студентов, также обусловлен не рациональными, а моральными соображениями. Общество не мыслимо без морали (о чем не уставал повторять Эмиль Дюркгейм) и, безусловно, должно отстаивать определенные моральные принципы, характеризующие его моральный порядок, и защищать себя от индивидов, его разрушающих (например, террористов, убийц, насильников). Когда я пытался показать, что общество борется с потребителями наркотиков, в первую очередь, не из-за вреда здоровью и угрозе безопасности для других членах этого общества, а из-за атаки на его «чистоту» и моральные границы, я вовсе не стремился «разоблачить» мораль как таковую и вывести ее из критериев оценки человеческих поступков. Я лишь стремился к тому, чтобы определить механизмы воздействия наркотиков на общественное сознание и показать, что рациональные соображения «вреда» и «риска» здоровью, используются сторонниками репрессивного подхода к наркотикам в качестве дискурсивного ресурса, скрывающего их подлинные мотивы – защиты «чистоты» общества. Никакого «иммoralизма» из этого не следует. Еще в самом начале статьи я писал о том, что любая, в том числе и самая либеральная политика в отношении наркотиков, будет

основываться на моральных воззрениях. Речь идет о том, какими должны быть эти моральные основания? Здесь я вынужден снять с себя мантию исследователя, беспристрастно (насколько это возможно) изучающего социальные процессы и перейти к ценностным и нормативным суждениям относительно моральных границ.

По-моему мнению «неоморалисты» стараются защитить моральные границы «старого» советского общества тоталитарного образца, отличавшегося нетерпимостью к любым проявлениям «инаковости». Во-первых, их представления о морали и нравственности не соответствуют нормативным принципам открытого общества, в котором правам индивида отводится не меньшее место, чем его обязанностям перед обществом, а моральные принципы его поведения являются предметом его личного выбора, покуда они не нарушают права других людей. При этом я хочу подчеркнуть слово «нарушают», а не «представляют риск», поскольку категория «потенциальный преступник» (одна из наиболее часто встречающихся в определении потребителей наркотиков) является юридическим нонсенсом. В определенных обстоятельствах большинство из нас могут совершить преступление, так что все почти все из нас в каком-то смысле могут быть охарактеризованы как «потенциальные преступники». Преступник становится преступником, только когда он преступил закон, а не в состоянии это сделать. Из этого не следует и принятие принципа безграничного индивидуализма, когда права индивида являются единственным моральным принципом, организующим сообщество, а интересы сообщества в целом игнорируются. Эмиль Дюркгейм писал по этому поводу: «Если, например, в известный момент общество в целом теряет из виду священные права индивида, то нельзя ли его поставить на место, напомнив ему, насколько уважение этих прав тесно связано со структурой великих европейских обществ, с нашей ментальностью в целом, так что отрицать эти права под предлогом общественных интересов – значит отрицать наиболее существенные общественные интересы?» (Дюркгейм 2002: 51). Во-вторых, репрессивные меры в отношении потребителей наркотиков нарушают принцип равенства, когда одни члены общества вольны в неограниченных количествах потреблять легальные психоактивные вещества (несмотря на весь спектр рисков с ними связанный), а другие не могут этого сделать лишь в силу традиционных представлений о типах «загрязняющих» веществ. Совмещая это наблюдение с первым, можно сказать, что потребители спиртного и никотина не несут никакой ответственности за риск и «потенцию совершить преступление», а на потребителей наркотиков (в том, числе и менее опасных для здоровья, чем алкоголь) – такая ответственность возлагается. В-третьих, наркозависимые – являются больными людьми (по-крайней мере считаются таковыми и в силовых и в медицинских институтах социального контроля), а одним из атрибутов «роли больного» (Parsons 1951) – является снятие ответственности (по-крайней мере юридической) за свою болезнь. В-четвертых, моральные границы, постулирующие «нулевую толерантность» в отношении употребления каких-либо

наркотиков в любой форме, не соответствуют реалиям современного российского общества, когда около 50% процентов молодежи пробовавшей наркотики и каждый пятый употребляющий их с той или иной степенью регулярности (Кесельман и Мацкевич 2001), оказываются за рамками закона. Иными словами, принцип «нулевой толерантности» криминализирует огромное количество российских граждан, исключительно за то, что те потребляют «загрязняющие» психоактивные вещества. И так, моральные границы, отстаиваемые сторонниками репрессивного подхода к наркотикам, оказываются «мертвыми» и отжившими, и они не отражают реальных жизненных практик современных поколений российской молодежи. Употребление тех или иных наркотиков молодежью, причем в достаточно значимых масштабах, в современных обществах европейского типа (к которому по утверждению наших властей должно стремиться и российское, что я целиком поддерживаю) является сегодня данностью, и силы общественных институтов должны быть направлены не на «искоренение» или «радикальное снижение» наркотизации (что цивилизованными методами сделать невозможно), а на снижение отрицательных последствий с ней связанных (что не отменяет необходимости первичной профилактики наркомании).

Таким образом, необходима коррекция моральных границ нашего общества в направлении их приспособления к существующим российским реалиям, а не в ригидной фиксации их на старых и недостижимых идеалах. Как писал Эмиль Дюркгейм, противоречие между старыми, отжившими нормами и сложившимися реальными общественными условиями, приводит к состоянию социальной аномии, чреватой суицидами, маргинализацией различных общественных групп и росту преступности. Старые нормы перестают эффективно выполнять свою регулирующую функцию, новые еще не сложились, и индивид оказывается в «подвешенном» состоянии отсутствия ориентиров, регулирующих поведение. Попытки свести наркотизм на нет и возродить реально действующие (то есть регулирующие поведение подавляющего большинства членов сообщества) нормы «нулевой толерантности» без параллельного отката к тоталитарному обществу не представляются возможными. Стало быть, необходимо общественное переосмысление моральных границ, а не бескомпромиссное отстаивание старых. К тому же моральные паники, наподобие той, что наблюдалась в конце 90-х, – не лучшее средство сохранения моральных границ вообще, в чем бы они ни заключались (Мейлахс 2003). Они уводят общество от рациональной рефлексии по поводу той или иной проблемы и сводят всю сложность социального бытия в эмоциональную плоскость ненависти и негодования.

Однако, мне могут возразить, что общество, как показывают многочисленные исследования, в том числе и мои собственные, одобряет репрессивные меры в отношении наркозависимых и поддерживает прогибиционистскую политику государства. Не является ли тогда либерализация антинаркотической политики, антидемократической?

В каком-то смысле да. Сложные отношения между понятиями либерализма и демократии выходят за пределы обсуждения данной работы, могу лишь сказать, что совместимы они далеко не всегда. Демократические выборы привели нацистов власти в 1933, фундаменталистов в Алжире в 1992, и покорное следованию общественному мнению привело бы к возобновлению практики смертной казни, применению политики «Россия для русских» и множеству других мер, противоречащим основным правам человека. В этой связи могу лишь снова процитировать одного из моих любимых социологов – Эмиля Дюркгейма, ученого которого уж никак нельзя обвинить в безграничном либерализме и пренебрежении правами коллектива. «Мы, стало быть, совсем не обязаны в области морали покорно подчиняться общественному мнению. В некоторых случаях мы можем считать себя даже как бы призванными восставать против него. В самом деле, может случиться так, что, основываясь на каком-то из мотивов, которые только что были указаны, мы сочтем своим долгом бороться против моральных идей, которые с нашей точки зрения устарели, являются уже не более чем, пережитками» (Дюркгейм 2002: 51).

Кроме того, постепенно в нашем обществе постепенно происходит трансформация отношения к потреблению наркотиков. В своем исследовании отношения родителей и школьников к криминальной и медицинской моделям наркомании, на которое я уже ссылался выше, были найдены заметные различия между этими категориями респондентов. Несмотря на то, что криминальная модель находит большую поддержку как среди родителей, так и среди школьников, в последней группе она пользуется заметно меньшим влиянием, чем в первой. Отношение школьников к потребителям наркотиков – в целом значительно более гуманное, чем у поколения их родителей. Представляется, что причины этого лежат в различных условиях социализации поколений. Родители, мировоззрение которых формировалось во времена советского режима, известного своим репрессивным отношением к различным уязвимым группам, в том числе и к наркозависимым, доминированием коллективистской идеологии и прирзении к индивидуалистским ценностям человеческой жизни, а также ригидным морализмом, оказались более восприимчивы к утверждениям-требованиям, предлагаемых клэймсэйкерами, строящих свои дискурсивные и недискурсивные стратегии, на основе репертуара понятий криминального дискурса, чем учащиеся, чья социализация проходила в новых социальных условиях постперестроечной России, когда ценности соблюдения прав человека, гуманного отношения к уязвимым группам, индивидуализма и плюрализма в области морали, заняли устойчивое место в риторических стратегиях множества клэймсэйкеров, в том числе и агентов различных государственных институций. Кроме того, сами жизненные практики современной российской молодежи сегодня гораздо более плюралистичны и диверсифицированы, чем у поколения их родителей, монолитная культура «советского человека» и «советской молодежи» оказалась раздробленной на многочисленные пестрые фрагменты молодежных субкультур, в том числе и

таких, где употребление тех или иных видов наркотиков вполне приемлемо. Такое «опривычивание» наркотизации может вести к более толерантному отношению к самим наркотицирующим, которые более не представляются загадочными и непостижимыми «чужими», олицетворяющими моральное разложение общества, а воспринимаются либо, как «нормальные» развлекающиеся (если их потребление наркотиков не выглядит как проблемное), либо как нуждающиеся в помощи «свои». Итак, определенный сдвиг в моральных границах нашего общества налицо, и перед ним назрела необходимость выбора: либо отстаивать устаревшие и недостижимые нормы путем репрессивной антинаркотической политики, либо адаптироваться к переменам и приспособлять эту политику к реально сложившейся ситуации с наркотиками.